

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра английского языкознания

Идеи. Поиски. Решения.

Сборник статей и тезисов XVI Международной
научно-практической конференции
преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов

Минск, 22 ноября 2022 года

В шести томах

Том IV

Минск
БГУ
2022

УДК 811.1/.8(072)(06)
И 291

Решение о депонировании вынес:
Совет филологического факультета
протокол № 5 от 15.12.2022

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Важник С.А. – председатель;
доктор педагогических наук, профессор Нижнева Н.Н. – отв. ред.;
доктор филологических наук, профессор Ровдо И.С.;
доктор педагогических наук, профессор Костикова Л.П.;
доктор филологических наук, доцент Гутовская М.С.;
кандидат филологических наук, доцент Астапкина Е.С.;
кандидат филологических наук, доцент Кулиева О.Н.;
кандидат филологических наук, доцент Мальцевич Т.В.;
доктор гуманитарных наук в области языкознания Нижнева-
Ксенофонтова Н.Л.;
кандидат педагогических наук, доцент Толстоухова В.Ф.

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент А. А. Баркович;
кандидат филологических наук, доцент Н.М. Шахназарян.

Идеи. Поиски. Решения : сборник статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 22 ноября 2022 г. В 6 т. Т. 4 / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 72 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научнопрактической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том IV содержит материалы проблемного поля «Язык и литература».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

МЕТАТЕКСТ-КОММЕНТАРИЙ В ПОЭМЕ Д. САМОЙЛОВА

«СТРУФИАН»

Балабанович И.С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрены типы и функции метатекстуальных элементов в поэме Д. Самойлова «Струфиан».

Ключевые слова: интертекстуальность, метатекстуальность, метатекст, поэма, Д. Самойлов.

«Струфиан» [2, с. 97–107] – поэма Д. Самойлова, написанная в 1974 г. Это ироничное, яркое и новаторское произведение. 4.04.1974 г. Д. Самойлов в дневнике среди литературных планов отметил: *О смерти Александра I (его похищают НЛО!) (Рассказ, повесть?)* [3, с. 76]. Получилась поэма с нетривиальным сюжетом: Александр I, пребывая в Таганроге, размышляет о судьбах отечества, в это время некто Федор Кузьмин, странный отшельник-философ, в уединении писавший реформаторский трактат, решает вручить свой труд государю. В момент, когда Кузьмин тайком крадется к монаршей особе, происходит нечто необычное: приземляется НЛО и инопланетяне забирают императора, которого позднее срочно объявляют умершим, положив в гроб вместо него скончавшегося от шока свидетеля-гвардейца. А Кузьмина, как опасного очевидца, отправляют в тюрьму, впрочем, потом о нем все забывают, он выходит на свободу и перед смертью оставляет свою «тайну» – несколько бумажных лент с зашифрованными символами. Некий хороший приятель рассказчика – программист – расшифровал эти

заметки, выделив в качестве важнейших слов *а крыют струфиан* – ключ к разгадке тайны.

Для поэмы, как и для подавляющего большинства самойловских лироэпических текстов, характерна метатекстуальность, представляющая собой пересказ или комментирующую ссылку на претекст. Прежде всего обращает на себя внимание подзаголовок, вводящий обозначение жанра: *недостоверная повесть*. Прилагательное здесь актуализирует модусную категорию персуазивности, характеризуя весь текст поэмы как «недостоверный», чем автор как бы настраивает читателя на не прямое, ироничное восприятие дальнейшего произведения, снимая с себя ответственность за достоверность сказанного. *Дул сильный ветер в Таганроге* [2, с. 97] – так начинается следующая за короткой экспозицией часть поэмы. Эти слова в дальнейшем становятся лейтмотивом, повторяясь на разных этапах развития сюжета. Однако заметим, что повествователь не берет на себя ответственность за достоверность даже этого сквозного образа ветра (ассоциативно нагруженного): *Он [Александр I] выходил в осенний сад <...> Я, впрочем, не был в том саду / И точно ведать не могу, / Как ветры веяли морские / В том достопамятном году* [2, с. 98]. То есть художественный образ отделяется от его создателя. Здесь мы видим первый тип метатекстуальности, представленный в поэме – автокомментарий к тексту, дающийся по ходу повествования.

Второй тип метатекстуальности, представленный несколькими подтипами – комментарий к чужому тексту. При этом текст мы понимаем широко вслед за традицией тартуско-московской семиотической школы, тесные контакты с представителями которой имел Д. Самойлов, переехавший в 1976 г. из Москвы в эстонский

Пярну, часто бывавший в Тарту, приятельствовавший с Ю. Лотманом, Вяч. Ивановым, Р. Якобсоном и др. В частности, под текстом мы будем понимать легенду – бытовавшую еще в XIX в. историю о том, что живший в позапрошлом столетии в Сибири старец Федор Кузмич (обратим внимание, что герой Д. Самойлова – *Кузьмин*, однако очевидна отсылка к повести Л. Толстого «Посмертные записки старца Федора *Кузмича*», Д. Самойлов использует иной орфографический вариант) – это инсценировавший свою смерть Александр I. Повествователь самойловской поэмы четко обозначает свою позицию (он не отождествляет Кузьмина с Александром), высказывая отношение к легенде. Для него доказательство неправдивости легенды – «тайна» Кузьмина: *Мне жаль всегда таких легенд! / В них запечатлено движенье / Народного воображения. / Увы! всему опроверженью – / Один престранный документ, / Оставшийся по смерти старца: / Так называемая «тайна» – / Листы бумаги в виде лент, / На них – цифирь, и может стать, / Расставленная не случайно* [2, с. 98–99]. Это примеры комментирования чужого текста: если комментарий к легенде носит личностный характер, он эмоционален, то в комментарии к текстам Кузьмина доминирует описание свойств физического носителя, и лишь частично – субъективная оценка документа говорящим (реализованная с помощью прилагательного *престранный*) и предположение относительно коммуникативности символов из документа.

В дальнейшем рассказчик в каком-то смысле пытается избавиться от своей непосредственной функции: передает слово приятелю-программисту: *Один знакомый программист / Искал загадку той цифири / И сообщил: «Понятен смысл / Ее, как дважды два – четыре. / Слова – “а крыют струфиан” – / Являются ключом*

разгадки». / И излагал – в каком порядке / И как случилось, что царя / С отшельником сошлись дороги... [2, с. 99]. То есть дальнейший текст поэмы, следующий за прямой речью, можно воспринимать как пересказ не существующего разговора. Указание источника сообщения – один из способов для говорящего снять с себя ответственность за не / достоверность высказывания.

Д. Самойлов строит поэму как текст о тексте благодаря конструированию некоего не существующего в реальности претекста – сочинения Ф. Кузьмина под названием «Благое намеренье об исправленье Империи Российской». Кратко описывается история создания этого текста: *Кузьмин писал. А что писал / И для чего – никто не знал. / А он, под вечный хруст прибоя, / Склонясь над стопкою бумаг, / Который год писал: «Благое / Намеренье об исправленье / Империи Российской» [2, с. 101]. Далее приводятся закавыченные фрагменты, якобы цитаты из трактата: *Поскольку не был сей трактат / Вручен (читайте нашу повесть), / Мы суть его изложим, то есть / Представим несколько цитат [2, с. 102].* Современники безошибочно угадывали в «Благом намерении...» фанатичного героя пародию на «Письмо вождям Советского Союза» А. Солженицына, с которым Д. Самойлов полемизировал. О «Письме вождям...» поэт так отзывался в дневнике: *Солженицын продолжает играть председателя земшара. Он написал план переустройства России и отправил его правительству. Вечная «клоповщина» [3, с. 73]; В России великий гражданин обязательно – ругатель. А чтобы ругательство его было услышано, должен и ругать-то на уровне ругаемых. Кто кого переплюет. Хуже всего, когда такой герой выступает с положительной программой, да еще и посылает ее ругаемым. Тут и лезет «клоповщина» [3, с. 74]. Именно**

пародирование А. Солженицына не понравилось Л. Чуковской, мнением которой о своих произведениях дорожил Д. Самойлов и к оценкам, советам которой прислушивался: *Дописал «Струфиана» и читал его несколько раз... вечером Л<идии> К<орнеевне>. Первая ее мысль – не печатать. Потом объективность поборола любовь к А<лександру> И<саевичу>* [3, с. 82]. Интересно, что в самой поэме повествователь комментирует «Благое намерение...» весьма сжато, но едко, сравнивая его автора с французским философом – основавшим школу утопического социализма: *В провинции любых времен / Есть свой уездный Сен-Симон. / Кузьмин был этого закала. / И потому он излагал / С таким упорством идеал / Российского провинциала* [2, с. 102–103].

Контактность, обращенность поэмы к читателю обеспечивается за счет метатекстуальных элементов, в частности, вводных конструкций. Так, читательское внимание сосредотачивается на расположении в пространстве героев, когда в Таганроге приземлились инопланетяне: *Прошу запомнить: таково / Расположенье было лиц...* [2, с. 103–104].

Метатекстуальные элементы в поэме различны по структуре и функциям, но все они «работают» на утверждение главной мысли, сформулированной Д. Быковым так: *«Струфиан» – история о том, как Александра I ... похищают инопланетяне, похищают потому, что в местной почве он не укоренен и с его либеральными принципами здесь делать нечего* [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков, Д. Л. Давид Самойлов [Электронный ресурс] / Д. Л. Быков. – Режим доступа: <https://ru-bykov.livejournal.com/3981588.html>. – Дата доступа: 30.10.2022.
2. Самойлов, Д. Весть / Д. Самойлов. – М. : Сов. писатель, 1978. –112 с.

3. Самойлов, Д. С. Поденные записи / Д. С. Самойлов. – В 2 т. – Т. 2. – М. :
Время, 2002. – 384 с.

ІМЯ І ВОБРАЗ У АЎТАРСКАЙ КАЗЦЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ ГЕОРГІЯ МАРЧУКА І МАРЫІ КАНАПНІЦКАЙ)

Балакірава М.М.

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

Анотацыя. У артыкуле прадстаўлена тэматычная класіфікацыя паэтонімаў казак Георгія Марчука і Марыі Канапніцкай. Антрапонімы разгледжаны як значымыя інфарматыўныя адзінкі, у семантычную структуру якіх уключаюцца прагматычны складнік, эмацыйныя, ацэначныя, сацыяльныя адценні значэння. Даследавана вобразна-выяўленчая роля тапонімаў, міфонімаў, заонімаў, ужытых ў кантэксце аўтарскіх казак.

Ключавыя словы: антрапонім, гаваркое імя, тапонім, заонім, міфонім, тэонім.

Несумненны інтарэс чытачоў розных узростаў выклікаюць зборнікі казак Георгія Марчука “Агапка, Арцемка і злы Воўк”, “Дзікая груша” і аповесць-казка Марыі Канапніцкай “Пра гномаў і сіротку Марысю”. Дзеянне практычна ўсіх казак Г. Марчука разгортваецца на Палессі, там, дзе сярод былых пракаветных і неабсяжных балот стаіць старажытны Давыд-Гарадок, дзе чароўная Гарынь упадае ў царыцу края Прыпяць. Персанажы казкі Марыі Канапніцкай пераносяцца ў далёкія часы, калі побач з людзьмі жылі чараўнікі гномы, а светам валадарылі язычніцкія багі. Стварэнню жывых, захапляльных і павучальных гісторый спрыяе ўжыванне насычаных культурна-гістарычнай інфармацыяй *онімаў* розных разрадаў.

Мэтай прадстаўленай працы з’яўляецца вызначэнне жанравай адметнасці анамастычнай прасторы аўтарскіх казак Георгія Марчука і Марыі Канапніцкай, высвятленне спецыфікі і ролі імён уласных, якія з’яўляюцца адным з найважнейшых сродкаў стварэння мастацкіх вобразаў.

Усе *антрапонімы* аўтарскіх казак Г. Марчука і М. Канапніцкай можна падзяліць на імёны рэальных гістарычных асоб і імёны, створаныя фантазіяй аўтараў. Казкі Г. Марчука цікавыя і адметныя спалучэннем

рэальнага і фантастычнага. Казачнік апавядае маленькаму чытачу пра слыннае мінулае роднага краю, пра слаўтых продкаў, майстэрства, мужнасць, розум якіх цаніліся ва ўсім свеце. Таму на старонках казак згадваюцца імёны рэальных гістарычных дзеячаў: князя *Давыда*, унука *Яраслава Мудрага*, казака *Нябабы*, паплечніка *Багдана Хмяльніцкага*, польскага караля *Уладзіслава IV*, каралеў *Марыі Ганзага* і *Боны Сфорца*, венецыянскага пасла *Ціэпалы*. Героі п'ес Г. Марчука “Агапка, Арцемка і злы Воўк” і “Новыя прыгоды Несцеркі”, пазнаючы свет прыроды і чалавека, звяртаюцца да сюжэтаў свяшчэннай гісторыі, і таму ў іх разважаннях гучаць імёны біблейскіх герояў: “Так... Рабіна – гэта слёзы *Адама і Евы*. Асіна. За трыццаць срэбранікаў *Юда* здрадзіў *Богу* нашаму *Хрысту*. Скарб закапаны пад асінай” [2, с. 28]; “Заклінаю *Усемагутным Богам* з вышніх воблак, чатырма евангелістамі *Іванам і Маркам, Лукой і Мацвеем*” [2, с. 279].

Героі казак, як правіла, носяць традыцыйныя імёны, што ўваходзяць у сучасны іменаслоў беларусаў. Ужываюцца гэтыя імёны ў поўных (*Павел, Базыль, Аксён, Домна, Марфа, Мікадзім, Сілуян*), гіпакарыстычных (*Ясь, Кася, Стах, Юзік, Куба, Алеся, Гана*), эмацыйна-ацэначных (*Юрасік, Анцюся, Паўлік*) формах. Галоўным чынам гэта ласкальныя формы. Доля пяратаўных імёнаў у дзіцячай літаратуры нязначная, што звязана са становачай эмацыйнай і этычнай накіраванасцю твораў для дзяцей.

У адпаведнасці з этыкетнымі нормаў Г. Марчук і М. Каніпніцкая ўжываюць асабовыя імёны з паказчыкам сацыяльнага статусу *пан* і з назоўнікамі *дзед, баба, дзядзька, цётка*: “Дзень добры ў хату! Прашу любіць і мілаваць. Балотаўладальнік, трымальнік акцыі і вэксэляў, домаўладальнік *пан Грызь*” [2, с. 14]; “Зусім пагоршыўся зрок у *бабулі Мілы, Фокусавай гаспадыні*. Яна трымала лупу перад вачыма, але ўсё

роўна з цяжкасцю чытала свае любімыя газеты і часопісы пра прыроду, космас і розных звяроў” [3, с. 12].

Паводле казачнай традыцыі паэтонімамі з’яўляюцца не толькі асабовыя імёны, але і непарыўна звязаныя з імі апелятывы-прыдаткі. У падобных выпадках адпаведныя агульныя назоўнікі характарызуюць персанажаў паводле той ці іншай прыкметы: сямейнага становішча (“*Аганка-сірата – мілая дзяўчынка, якая разам з мачыхай мядзведзя прывяла?*” [2, с. 8]) або роду заняткаў (“*Гэта цябе твой Арцёмка-кніжнік падбухторвае супраць Мачыхі роднай*” [2, с. 5], “*Адзін Ясік-аўчар, які цэлымі днямі іграў на жалейцы з вярбы, можа, адзін гэты пастушок нагадаў трохі сваёй ігрою ігру Сарабанды*” [1, с. 137].).

Імёны персанажаў у казках часцей за ўсё матываваныя словаўтваральна, фанетычна і семантычна, пры гэтым матывы іменавання прама ці ўскосна эксплікуюцца ў тэксце. Дзіцячы пісьменнік імкнецца да максімальнай празрыстасці ўнутранай формы ўласнага імені. Нярэдка на старонках казак пісьменнікаў **гаваркія** асабовыя імёны. Так, іменем-характарыстыкай сацыяльнага статусу героя казкі М. Канапніцкай з’яўляецца паэтонім **Падпанак**. Матывацыя празвання продка палякаў **Зямлявіт** раскрываецца ў мікракантэксце: “*Называлі яго Зямлявітам, бо так любіў ён родныя палі, што як толькі на парог выйдзе, адразу кажа: «Зямля, вітаю цябе!»*” [1, с. 26].

Эфект праўдзівасці падзей, якія адбываюцца ў творах, фарміруецца за кошт увядзення ў змест казак геаграфічных назваў. Так, у казках Георгія Марчука сустракаюцца найменні рэальных гарадоў і краін як замежжа (**Кракаў, Рыга, Стамбул, Рым, Амерыка, Германія, Егіпет, Іспанія**), так і Беларусі і найперш палескіх гарадоў, мястэчак, вёсак (**Мінск, Слуцк, Пінск, Тураў, Давыд-Гарадок, Моталь, Радзічы, Альпень, Ляды**). Найменні рэальных геаграфічных аб’ектаў суседнічаюць на старонках

твораў пісьменніка з назвамі краін, створаных фантазіяй казачніка. Гэта станцыі *Воўчы Тупік* і *Мядзведжае*, дзе валадарыць памагаты нячысціка Кадука пан Грызь. У легендзе пра непакорлівую князеўну (гераіню твора М. Канапніцкай), што не скарылася нямецкаму каралю, ужыты найменні ракі і гор – *Вісла* і *Карпаты*. Тапонімы, створаныя фантазіяй казачніцы, – гэта *Крышталёвая Пячора*, дзе жывуць гномы, ахоўваючы скарбы – каштоўныя камяні і золата, і *Галодная Слабада*: “*Вёска здаўна называлася Галоднай Слабадой, таму што зямля там была бедная, мала хлеба давала, а людзі часцей былі галодныя, чым пад’еўшы*” [1, с. 88].

У кантэксце казак Г. Марчука прадстаўлены *міфونімы* – найменні духаў, якімі населены прыродны свет. Дзейнымі асобамі казкі Г. Марчука “Чужое багацце” з’яўляюцца галоўны балотны нячысцік *Кадук*, аднавокі *Пачварнік*, вартавы смалярні, касавокая Русалка, “*якія так і глядзелі, каб з чужой бяды прыбытак мець*” [3, с. 50]. Дзейнымі асобамі аповесці-казкі М. Канапніцкай з’яўляюцца кароль гномаў *Бліскун*, адзенне якога было шчодра ўсыпана каштоўнымі каменнямі. Галоўны скарбнік дзяржавы гномаў мае гаваркое найменне *Грошык*. Светапогляд продкаў перадаецца праз ужыванне тэоніма *Светавід*: “*О-го-го! Гэта былі часы!.. Над палямі, над водамі шумелі тады ліпавыя гаі, а ў іх жыў адзін стары-стары бажок, Светавід, які на ўсе бакі свету глядзеў і быў апекуном усёй гэтай краіны*” [1, с. 20].

Немалаважную ролю ў казачным свеце свеце адыгрываюць вобразы жывёл і птушак. Іх найменні – *заонімы* – таксама з’яўляюцца *гаваркімі паэтонімамі*. Паэтонімамі-характарыстыкамі герояў казак Г.Марчука з’яўляюцца найменні павучка *Чарнушкі*, пчолкі *Жужы*, кацяняці *Смелага*. Матывацыя заонімаў *Фокус*, *Пірат* і *Дзік* раскрываецца казачнікам у мікракантэксце: “*Кот меў здольнасць дэманстраваць розныя фокусы, таму і мянушку яму далі – Фокус. Скокне, здаралася, на вакно, а*

*праз імгненне вылезе ўжо праз комін на страху” [3, с. 20]; “У двары ягонага дома бегаў на доўгім ланцугу гэткі ж злосны, як і гаспадар сабака **Пірат**” [3, с. 21]; “Вочы ў **Дзіка** злыя, голас рэзкі, але не пісклявы. Ён гаспадар двара і яго вартаўнік. Можца не хітраваць – ніхто на ягонай тэрыторыі не пройдзе незаўважаны” [3, с. 22].*

Такім чынам, Георгій Марчук і Марыя Канапніцкая, апавядаючы пра прыгоды маленькіх герояў, умела выкарысталі інфарматыўную нагрузку ўласных імёнаў, якія дазволілі аўтарам намаляваць пераканаўчыя вобразы персанажаў, расказаць пра мінуўшчыну, стварыць яркія карціны свету, пабачанага вачыма дзіцяці.

ЛІТАРАТУРА

1. Канапніцкая, М. Пра гномаў і сіротку Марысю / М. Канапніцкая ; пераклад з польскай мовы Я. Брыля.– Мінск : Юнацтва, 1984. – 223 с.
2. Марчук, Г. В. Агапка, Арцемка і злы Воўк : казкі-п’есы / Г. Марчук. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2016. – 369 с.
3. Марчук, Г. Дзікая груша / Г. Марчук. – Мінск : Беларусь, 2000. – 287 с.

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Зданович А.Н.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционально-семантической связи понятий субъективная модальность и публицистический дискурс. Анализу подлежат отношения субъективной модальности со смежными понятиями в лингвистике (аксиологическая и авторская модальности), а также ее роль в текстах публицистического стиля.

Ключевые слова: модальность; английский язык; публицистический стиль; виды модальности; роль модальности; дискурс.

Начиная с XIX века, языковая модальность прочно закрепились в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Для обеих лингвокультур фундаментальное значение обрел труд В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (1950 г.), в котором была высказана новаторская идея об разграничении **объективной** и **субъективной модальностей**: первая является обязательным признаком предложения и выражает отношение высказывания к действительности, в то время как вторая факультативна и выражает отношения говорящего к порождаемому им высказыванию [5].

Лингвистические труды нескольких последних десятилетий характеризуются общей антропоцентрической направленностью. Вслед за новообразовавшейся тенденцией, область современных исследовательских интересов также претерпела изменения и сосредоточилась вокруг прагматических аспектов функционирования как отдельных языковых единиц, так и грамматических категорий. С. С. Ваулина, оценивая современное положение модальности в

лингвистике и проводя анализ перспектив ее изучения, заключает: «Языкознание последних десятилетий характеризуется последовательной функциональной направленностью. Смена ориентиров в современной лингвистике, в фокусе внимания которой оказался человеческий фактор, потребовала в свою очередь пересмотра и корректировки традиционных (формальных) взглядов на различные языковые явления, в том числе и на модальность. У истоков возросшего интереса к модальности лежит рассмотрение языка "как средства социального взаимодействия, как социокультурного феномена"» [6, с. 9].

Если принять во внимание функциональный аспект языковой модальности и публицистического стиля, то станет очевидна тесная связь между этими двумя понятиями.

Итак, с учетом актуальной научной повестки, отражающей интересы общества, а также мощной синергии прагматических установок субъективной модальности и публицистического дискурса именно их совместное рассмотрение является наиболее релевантным решением.

В этой перспективе источники СМИ представляют особый интерес, поскольку транслируемая через их посредничество информация подвергается интерпретации и зачастую приобретает манипулятивный характер. Основными задачами СМИ являются мгновенная реакция на значимые изменения в окружающем мире и формирование у целевой аудитории определенного видения произошедших событий. Последнее не представляется возможным без категории модальности, в особенности без ее субъективной стороны, которая отвечает за создание концепции авторства в публицистическом тексте. Так, выражая отношение говорящего к

порождаемому высказыванию, субъективная модальность превращается в главный инструмент экспликации коммуникативных намерений автора и выполняет **текстообразующую функцию**.

Теперь, когда обозначена роль субъективной модальности в публицистическом тексте, во избежание недосказанности, стоит отметить и сопоставить схожие по смысловому наполнению термины. В лингвистических исследованиях, чьи авторы рассматривают вопросы текстовой модальности через парадигму функционально-семантического анализа, зачастую рядом расположенными субъективной оказываются **авторская** и **аксиологическая модальности**. Главенствующим признаком, который объединяет вышеперечисленные понятия, стало их предназначение в тексте, состоящее в формировании образа автора.

Четко сформулированное определение аксиологической модальности отсутствует в современной лингвистике: исследователи либо углубляются в философскую природу понятия, апеллируя к аксиологии, либо полагаются на устоявшуюся концепцию, изложенную в словарях логических терминов. Следующее толкование приводится в «Словаре по логике» А. А. Ивина и А. Л. Никифорова: «Аксиологическая модальность (от греч. *axios* – ценный, *logos* – понятие, учение), или: Оценочная модальность, характеристика объекта с точки зрения определенной системы ценностей. Аксиологический статус отдельного объекта обычно выражается абсолютными оценочными понятиями "хорошо", "плохо" и "(оценочно) безразлично", используемыми в оценочном высказывании» [4].

Тем не менее, такие определения не исчерпывают всей полноты аксиологической модальности как лингвистического явления.

Например, Л. П. Дронова в монографическом исследовании «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект», акцентирует этноспецифичный аспект аксиологической модальности [2, с. 32]. Под этим свойством подразумевается существование в языке аксиологической модели, общей для одной или сразу нескольких этнических групп [2, с. 248]. Оценочность, явно или имплицитно выраженная в тексте, выступает в качестве характеристики по отношению к его автору. В подходе, которого придерживается Л. П. Дронова, эта формулировка модифицируется взглядом на текстовую ипостась автора как на продукт окружающей его историко-культурной и социальной среды. В результате объектом аксиологической характеристики (индивид ранее) становится целое общество на том или ином историческом этапе развития.

В случае с понятием авторской модальности соображения исследователей расходятся, оформляя два контрастирующих подхода к истолкованию ее сути.

Лингвисты, которые придерживаются узкого подхода к определению авторской модальности, трактуют ее как «воплощение авторской интенции» [7, с. 11]. Но ассоциируя авторскую модальность напрямую с образом автора, они пренебрегают оценочными смыслами, которые косвенно способствуют его раскрытию в тексте. Наиболее продуктивными сторонники этого мнения считают «модальные смыслы (интенциональные эмотивные смыслы в структуре образа автора)», в то время как «диктальные (эмотивные смыслы в структуре образа персонажа)» и «экстенциональные (эмотивные смыслы, наведенные в сознание читателя содержанием текста)» опускаются [1, с. 215].

Приверженцы противоположных взглядов поддерживают включение всех вышеперечисленных смыслов в зону авторской модальности. Подобная точка зрения также не лишена недостатков, поскольку способствует стиранию границ между авторской и субъективной модальностями.

Первый подход более органично вписывается в контекст настоящего исследования поскольку позиция, представленная в нем, подчеркивает состоятельность и оригинальность идеи авторской модальности в лингвистике.

Таким образом, хотя аксиологическую и авторскую модальности возможно рассматривать как частные случаи проявления субъективной, их области и характер функционирования достаточно специфичны, чтобы требовать употребления отдельных терминов.

Публицистический дискурс, в свою очередь, выступает в качестве оптимальной языковой среды для применения субъективной модальности, многопланово раскрывая ее антропоцентрический потенциал и в полной мере демонстрируя ее индивидуально-ориентированную природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. / Екатеринбург, Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. Б. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2004. – 496 с.
2. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. / Л. П. Дронова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
3. Ерицян, А. Е. Новые жанры журналистики структурные и стилистические особенности / А. Е. Ерицян // Архивариус. Филологические науки. – 2021. – №8. – С. 32 – 34.
4. Ивин, А. А. Аксиологическая модальность / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров // Словарь по логике – М., 1997. – С. 14 – 15.
5. Исследования по русской грамматике: избранные труды: сб. науч. ст. / О категории модальности и модальных словах в русском языке, Ин-т русского яз.

им. В. В. Виноградова; ред. М. П. Алексеев [и др.]; сост. М. В. Ляпон, Н. Ю. Шведова. – М., 1975. – 559 с.

6. Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению / Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта; под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2008. – 349 с.

7. Стратийчук, Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Ю. Стратийчук; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2006. – 23 с.

**САЦЫЯЛЬНА-КУЛЬТУРНЫЯ АРЫЕНЦЫРЫ БЕЛАРУСКАЙ
ПАЭЗІІ, ВЫНЕСЕНАЙ ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ Ё 9 КЛАСЕ
УСТАНОЎ АГУЛЬНАЙ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ**

Кавалюк А.С.

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

Анотацыя. У артыкуле актуалізуецца праблема сацыякультурнага развіцця моладзі, аналізуюцца паэтычныя творы, вынесеныя для вывучэння ё 9 класе школьнага курса літаратуры.

Ключавыя словы: лірычны герой, пачуццё гонару, сацыяльныя і агульначалавечыя матывы, культурныя і духоўныя каштоўнасці.

У сучасным жыцці надзвычай актуальнай з’яўляецца праблема сацыякультурнага развіцця моладзі як працэсу выхавання сацыяльназначных асабістых якасцей (мэтанакіраванасці, самастойнасці ё прыняцці рашэнняў, камунікабельнасці, грамадзянскай адказнасці, свядомасці, гуманнасці, духоўнасці і інш.), у ходзе якога адбываецца набыццё вучнямі ведаў аб сацыяльных нормах і культурных каштоўнасцях; прыняцце каштоўнасных устаноў у адносінах да сябе, працы, грамадства, ведаў, іншых людзей; фарміраванне камунікатыўна-паводзінавых навыкаў на аснове ўзаемапавагі, супрацоўніцтва.

Паэма “Песня пра зубра” М. Гусоўскага дае ўяўленне аб сацыяльных і міжасабовых адносінах беларусаў XVI ст., аб самарэалізацыі асобы пад час палявання на зубра. Невыпадкова князь Вітаўт, рыхтуючы ваяроў-абаронцаў радзімы, выпрабоўваў іх на гэтым паляванні. Паэт-гуманіст фарміруе ё чытача пачуццё гонару за продкаў і сваю краіну, якія ніколі не нападлі першымі, але ўмелі бараніцца ад ворагаў. Сваёй лацінамоўнай паэмай М. Гусоўскі знаёміў

еўрапейскага чытача з дарагой яго сэрцу радзімай, менталітэтам, звычаямі і традыцыямі яе жыхароў. У паэме “Тарас на Парнасе” К. Вераніцын засяроджваецца на выяўленні лепшых рысаў беларускага мужыка, яго кемлівасці, абачлівасці, дасціпнасці, валодання пачуццём гумару. Лепшыя чалавечыя якасці, здольнасць адстаяць пачуццё жаночай годнасці паэтызуе Янка Купала ў паэме “Бандароўна”. “Новая зямля” Якуба Коласа, па праву, лічыцца энцыклапедыяй беларускага сялянства мяжы XIX–XX стст. У паэме “Люцыян Таполя” Максім Танк адстойвае права мастака-творцы на свабоду творчасці. Паэма-рэквіем “Голас сэрца” П. Броўкі ўвекавечвае подзвіг змагароў з фашызмам і памяць пра бязвінных ахвяр генацыду падчас Другой сусветнай вайны. Ва ўсіх творах сацыяльныя матывы спалучаюцца з агульначалавечымі.

У вершы “Мая дудка” Ф. Багушэвіч уздымае праблему служэння мастака слова свайму народу, выяўлення ім сацыяльнай несправядлівасці. У вершы “Хмаркі” паэт закранае праблему “тутэйшасці” і “бяздомнасці” тых, хто адарваўся ад “зямлі родненькай”.

Верш Янкі Купалы “Мая малітва” – паэтава маленне за родную зямлю і яе насельнікаў, каб над імі больш не шалелі “чорныя долі з мяцеліцаў шумами”. Пачуццё гонару за свой пакрыўджаны народ, які захацеў “людзьмі звацца” перапаўняе аўтара верша “А хто там ідзе?”. Гімнам роднай мове, пакрыўджанай, гнанай, беднай, але жывой, бясмертнай, свабоднай успрымаецца Купалаў верш “Роднае слова”. У творах асэнсавана гістарычны лёс беларускага народа. Да агульначалавечых матываў вечнасці жыцця, кахання, гармоніі чалавека і прыроды, паэтызацыі чалавека працы звярнуўся паэт у вершах “Явар і каліна” і “Жня”.

Верай лірычнага героя ў лепшы дзень роднай старонкі прасякнуты верш Якуба Коласа “Не бядуй!”. Паэтава прыкаванасць да “вобразаў мілых роднага краю” паэтызуюцца ў вершы “Родныя вобразы”. “Першы гром” – твор, у якім услаўляецца веліч прыроднай стыхіі і выяўляецца жаданне такога ж абуджэння ў грамадскім жыцці.

“Санет” (“Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...”) М. Багдановіча – гэта выражэнне веры ў адраджэнне роднага краю. Агульначалавечыя матывы, багацце духоўнага свету лірычнага героя выяўлены паэтам у вершах “Маладыя гады”, “Жывеш не вечна, чалавек”. М. Багдановіч заклікае маладых жыць і цэльнасці шукаць, аб шыраце духоўнай дбаць. Гармонія чалавека і прыроды пануе ў вершы “Плакала лета, зямлю пакідаючы...”. Праблему прызначэння паэзіі як будзіцеля “святога сумлення” закранае М. Багдановіч у вершы “Песняру”. Да духоўных традыцый свайго народа далучае чытача паэт у вершы “Кніга”, прэзентуючы Псалтыр як адну з найвялікшых духоўных каштоўнасцей роднай зямлі. Лірычны герой імкнецца спазнаць не толькі знешнюю прыгажосць незвычайнай кнігі, але і спасцігнуць яе ўнутраную прыгажосць, здольную даць радасць душы. Матыў далучэння нашчадкаў да духоўнага вопыту продкаў вызначае верш “Летапісец”. Ідэі сацыяльнай несправядлівасці, еднасці людской маюць месца ў вершы “Мяжы”. Глыбока філасофская думка еднасці людской, мірнага суіснавання ў свеце гучыць у вершы “Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...”

Грамадзянскім пафасам прасякнуты вершы Цёткі “Мае думкі”, “Вера беларуса”, “Мора”. Лірычная гераіня імкнецца “думаць ўсюды аб народзе, / Родны край усюды сніць”. Яна верыць, што суайчыннікі-беларусы стануць вольнымі людзьмі, заклікае іх змагацца за свае сацыяльныя правы.

Алесь Гарун у вершы “Ты, мой брат, каго зваць Беларусам...” заклікае “роднай мовы сваёй не цурацца”. Паэт верыць, што “за пашану радзімаму слову / Ушануюць нас брацця-народы!” Пытанніямі аб сэнсе чалавечага жыцця задаецца лірычны герой верша “Ідуць гады”. Узяўшы за Настаўніка свет прыроды, ён вывеў аксіёму сваёй прысутнасці ў свеце: “Прысуджаны шлях свой рабі дарагім, / Красуйся на радасць сабе і другім”.

У. Дубоўка ў вершы “О Беларусь, мая шыршына” прызнаецца ў любові сваёй радзіме, прадказвае ўласны драматычны лёс (“на дзіды сэрца накалю”) і лёс радзімы (“чарнобылем не зарасцеш”). Паэт сцвярджае, што “ў перашкодах дух расце”. Прадчуваннем драматычнага шляху прасякнуты і верш “Залатая асенняя раніца...”. Яго лірычны герой разумее, што “лёс для ўсіх не бывае аднакавы”, у прадчуванні ростані ён развітваецца з любымі сэрцу краявідамі. Верш “Родная мова, цудоўная мова!” – гэта гімн матчынай мове і вера ў яе бясмеце.

Верш А. Куляшова “Мая Бесядзь” вучыць маладых мэтанакіраванасці, упартасці ў дасягненні пастаўленай мэты, імкненню капаць “рэчышча ўласнай ракі”. Паэт не зычыць нікому спакойнага шчасця, па яго перакананні, жыццё павінна быць дзейным. Лірычны герой верша “На паўмільярдным кіламетры” А. Куляшова ўспрымае сябе паміж наступным і былым, раіць адносіцца да жыцця па-філасофску.

Філасофскі роздум пра чалавека, яго жыццёвае прызначэнне, увага да духоўнага свету чалавека, агульначалавечых каштоўнасцей характэрны для вершаў МаксімаТанка “Мой хлеб надзённы”, “Ты яшчэ толькі намёк на чалавека...”, “Не знаю...”. Неспакой за родную зямлю перапаўняе сэрца лірычнага героя верша “Мой хлеб надзённы”.

Глыбока павучальны верлібр “Ты яшчэ толькі намёк на чалавека...”, у якім паэт пераконвае: “толькі тады становішся чалавекам, калі ўсе могуць спадзявацца на цябе”.

Лірыка П. Броўкі, А. Куляшова, Максіма Танка, П. Панчанкі перыяду Вялікай Айчыннай вайны прасякнута патрыятычным і грамадзянскім пафасам. Выяўленнем палымянай веры ў перамогу вызначаецца верш П. Броўкі “Спатканне”. Лірычны герой гатовы помсціць за абвугленую радзіму. Балады А. Куляшова “Над брацкай магілай” і П. Панчанкі “Герой” – гэта рэквіём па змарнаваным вайной маладым жыццям, ушанаванне подзвігу змагароў з фашызмам. Нязломная духоўная сіла беларускага народа, яго веліч і непераможнасць, жывучасць роднай мовы сцвярджаюцца ў вершы Максіма Танка “Родная мова”. Праніклівым духоўным заветам, маральным імператывам кожнаму чалавеку з’яўляецца твор П. Панчанкі “Той дзень прапаў і страчаны навекі...” Яго на памяць павінен ведаць кожны школьнік. Вершам “Крык сойкі” паэт актуалізуе праблему гарманічнага суіснавання чалавека і прыроды.

“Ты пакліч мяне. Пазаві...” Я. Янішчыц, “Завушніцы” Максіма Танка, “Спарышы” П. Панчанкі – лепшыя ўзоры беларускай любоўнай лірыкі.

Прапанаваныя вучням 9-х класаў паэтычныя творы беларускіх паэтаў, напісаныя ў розныя перыяды развіцця літаратуры, спрыяюць сацыякультурнаму развіццю моладзі, выхоўваюць сацыяльназначныя асабістыя якасці, папаўняюць веды аб сацыяльных нормах і культурных каштоўнасцях, фарміруюць аксіялагічныя ўстаноўкі ў адносінах да сябе і іншых, спрыяюць удасканаленню і самарэалізацыі асобы.

СЛОВА-ПАРАЗИТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Косолапова Е.И., Назар Р.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Аннотация. В статье рассматриваются слова-паразиты как лингвистическое явление. Проведен анализ часто используемых слов-паразитов, их смысл и значение, представлены способы борьбы с ними, советы по улучшению словарного запаса. В ходе изучения было выявлено, что в основном нашу речь заполняют именно слова-паразиты, они мешают четко и понятно выражать свои мысли, правильно доносить смысл своего высказывания. Главным врагом слов-паразитов является чтение. Процесс избавления от них непростой, долговременные привычки не так уж и просто исправить, важно запастись терпением.

Ключевые слова: речь, смысл, слова-паразиты, дискурсив, анализ, умение, чтение, самосовершенствование, выражение.

В наше время все меньше людей обращают внимание на то, как и что они говорят. Столько же людей не обращают внимания на речь своего окружения. Нашу речь загрязняют «слова-паразиты». Благодаря им, мы выражаем свои эмоции малопонятно.

Слова-паразиты или дискурсивные слова – это слова, которые не имеют глубокого смысла, чаще всего с их помощью заполняют неловкую паузу. При этом они не выполняют никакой полезной функции, съедая весь смысл предложения. Человек, который использует их, ни в коем случае не является необразованным, порой «мусорные слова» проскальзывают и в речи людей образованных.

С чем связано частое использование таких фраз? В русском языке их большое количество: *как бы, так вот, в принципе, понимаешь, значит*. Обычно человек говорит эмоционально и быстро, из-за чего не воспринимает их как что-то «неправильное». Количество употребляемых слов показывает скудный словарный запас человека. Вместо книг, люди черпают информацию из социальных сетей, в

наше время это не является чем-то необычным. С помощью чтения книг можно пополнить свой словарный запас, начав использовать его с умом.

Как ни странно, самыми часто используемыми являются матерные слова. Они свидетельствуют об отсутствии культуры грамотности. Существует теория, что слова-паразиты могут охарактеризовать натуру человека, его сущность. Например: *«короче»* является показателем агрессии. Его используют разговорчивые и не умеющие держать себя в руках люди, синоним – *«одно слово»*. *«Это самое»* используют нецелеустремленные люди, являющиеся ненадежными, рассчитывать на них не имеет смысла. *«Вообще»* слово из ежедневной речи замкнутых в себе людей. Они обладают умением устраивать скандалы на ровном месте, синоним – *«собственно говоря»*. *«Кстати»* проскальзывает в речи обделенных вниманием людей. В окружении незнакомых, у них присутствует неловкость, его использованием они скрывают её. *«На самом деле»* используют эгоистичные личности, доверяющие только себе и своему опыту, ничего другое их не интересует. Для них является проблемой заводить какие-либо дружеские отношения, по их мнению, они единственные и неповторимые. *«Тупа»* – это слово типичных консерваторов. Доказать свою правоту могут только агрессивным настроем. *«Как бы»* признак творческой личности, находящейся в своем индивидуальном мире. *«Просто»* используют люди с несамостоятельным мнением. Для них сложно брать на себя ответственность, за счет чего они являются заложниками своего окружения. *«Практически»* очень часто мелькает в высказываниях людей с конкретными целями, которые не задумываются о философском смысле жизни. *«На самом деле»* используют люди, которых очень сложно переубедить в принятом

ими решения, даже если их мнение неверно, они всегда будут слушать только себя. Дабы заставить молчать своего «советчика», они используют слова-паразиты, с их помощью пытаются добавить весомости своим аргументам. «Значит» подходит тем, у кого всегда есть своя точка зрения. При разговоре человек всегда хочет быть в центре внимания, и все попытки забрать у него эту возможность не принесут никакого результата. «Так сказать» присуще суетливым людям, они всякий раз уточняют сказанное. Поток их речи намного быстрее мыслей. В итоге они сами не всегда понимают то, что наговорили.

Лингвисты выделяют две группы дискурсивов. Первая группа сокращает и ускоряет речь. Засоряя наш лексикон, они препятствуют взаимопониманию между собеседниками. Вторая является отражением эмоций. С их помощью они выражаются всего лишь, одним словом. Есть люди, использующие в своих высказываниях слова-паразиты осознанно. Допустим, человеку задали вопрос, ответ на который он не сможет дать сразу, в целях продумать свой ответ, на помощь приходят слова-паразиты. В этом случае их смысл очевиден.

Существует ряд способов избавления от «мусорных слов». Первый способ заключается в голосовом сообщении самому себе. Необходимо отправить себе сообщение, в котором произносите любой текст, при этом обращаете внимание на автоматически сказанные слова. Проанализировать количество слов-паразитов в собственной речи, в следующий раз, повторяя все действия, стараться как можно меньше использовать их. Главное сделать акцент на положительном. Хвалить себя, даже если не сразу все получится.

Второй способ подразумевает практику в устной речи. Любая возможность выступления на публике пойдет на пользу избавлению

от слов-паразитов. Это процесс самосовершенствования, помогающий улучшать разговорную речь. Чем больше выступлений на публике, тем больше результатов.

Третий способ является личным контролем со стороны. Обращаясь к своим близким с просьбой делать замечание в случае употребления слов-паразитов, поможет в нужный момент себя контролировать. В процессе избавления от «мусорных слов» необходимо запастись терпением.

Чтение способно формировать правильную речь. Кроме того, является ещё и самой полезной привычкой. Когда сложно избавляться от привычки произносить слова-паразиты, можно заменять их литературным аналогом. Необходимо записать все слова, которые чаще всего используются, а напротив противоположные им слова. Выучив их наизусть, в разговоре будет легко использовать правильные слова.

Почти у всех слов-паразитов есть замена. Например, слово «блин» которое используется в качестве выражения сочувствия, раздражения, досады. Вместо этого можно говорить: *печально, мне обидно, я огорчен, я разочарован.* «Жесть» – способ выражения недоумения, недовольства. Чаще всего заменяют: *неприятно, странно, ужасающе, противно.* Самое распространенное слово «короче» употребляется в качестве начала диалога. Примеры замены: *исходя из этого, получается.* «Типа» – выражение неуверенности. Замена: *пожалуй, видимо, своего рода.*

Дискурсивные слова не идут на пользу нашей речи. Они затрудняют понимание того или иного высказывания. Процесс избавления от них непростой, долговременные привычки не так уж и просто исправить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блажевская К. Список слов-паразитов и их замена. Слова-паразиты в русском языке / К. Блажевская [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.syl.ru/article/361022/spisok-slov-parazitov-i-ih-zamena-slova-parazityi-v-russkom-yazyike>.
2. Корельская М. Слова-паразиты / М. Корельская [Электронный ресурс]. – URL: <https://orator.biz/library/voice/slova-paraziti/>.
3. Ольшевская А. Словарь слов-паразитов / А. Ольшевская [Электронный ресурс]. – URL: <https://avtoram.com/slovar-slov-parazitov/>.

ПАЭТОНІМІКОН ЗБОРНІКА А. БЕНЗЕРУКА “КАСЦЮШКІ-СЯХНОВІЦКІЯ: ГІСТОРЫЯ СТАРАДАЎНЯГА РОДУ”

Лябедзіч Д. П.

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

Анотацыя. У артыкуле сістэматызавана структура паэтонімку навукова-папулярнага зборніка А. Бензерука з улікам гістарычных традыцый беларускага іменаслову. Разгледжана словаўтваральная структура, этымалагічная семантыка імёнаў і прозвішчаў персанажаў твора. Акрэслены тапонімы, бібліёнімы, палітонімы, якія дадаюць у навукова-папулярны твор набор акумуляванай гістарычнай, геаграфічнай і канататыўнай інфармацыі.

Ключавыя словы: онім, асабовае імя, прозвішча, тапонім, эргонім, бібліёнім.

У кнізе “Касцюшкі-Сяхновіцкія: гісторыя старадаўняга роду” А. Бензюрук на падставе шырокага кола крыніц разглядае радавод Тадэвуша Касцюшкі – кіраўніка нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 года, накіраванага супраць ганебных падзелаў краіны паміж Расіяй, Аўстрыяй і Прусіяй, народнага героя Беларусі, Польшчы, ЗША. Захоплена, грунтоўна і эмацыянальна расказваючы чытачу пра даўнія часы, пра слаўтых продкаў, пісьменнік умела выкарыстоўвае нацыянальна-культурную інфармацыю ўласных імёнаў, якія з’яўляюцца каштоўнай спадчынай беларусаў. Анамастыкон зборніка грунтуецца на айчынным іменаслове **перыяду панавання кананічных імён.**

Гаворачы пра гісторыю Касцюшкаў-Сяхновіцкіх, аўтар прыгадвае імёны слаўтых валадароў мінуўшчыны – **онімы-рэтраспекцыі:** князёў *Гедыміна і Вітаўта, Канстанціна Астрожскага і Юрыя Дубравіцкага,* польскіх каралёў *Ягайлы, Жыгімонта Старога і Жыгімонта Аўгуста,* каралеў *Боны і Барбары Радзівіл,* рускага цара *Пятра I,* царыцы *Кацярыны II* і інш.

Да імёнаў-сучаснікаў (яны адпавядаюць асноўнаму часу дзеяння гістарычнага аповеду) адносяцца празванні слаўтых шляхецкіх родаў: *Радзівілаў, Карэцкіх, Шуйскіх, Пузынаў, Плятэраў, Неміровічаў, Грабоўскіх*, імёны прэзідэнта Злучаных Штатаў Амерыкі *Томаса Джэферсана*, расійскага імператара *Аляксандра*.

Гаворачы пра даследаванне навукоўцамі роду Касцюшкаў, аўтар прыгадвае імёны-праспекцыі, што належаць беларускім, рускім, польскім вучоным, якія адгортвалі старонкі гісторыі сям’і слаўтага ваяра і палітыка: *Б. Шындлер, Т. Свенці, Ю. Барташэвіч, Ф. Паішкоўскі, К. Вуйціцкі, Т. Корзан, У. Плятэр, А. Нарбут*, імёны прадаўжальнікаў слаўтых вайсковых традыцый Тадэвуша Касцюшкі – ягоных пляменнікаў *Станіслава Тэадора, Тадэвуша* (названага ў гонар слаўтага дзядзькі), *Сыкстуса Эсткаў*, якія паспрыялі, каб “не згінуў у сям’і вайсковы дух Касцюшкі” [1, с. 44].

З X–XI стагоддзяў на нашых землях суіснавалі каталіцкая і праваслаўная вера. Пазней з’явіліся і прыхільнікі пратэстантызму. Таму на старонках кнігі сустракаюцца імёны праваслаўных, каталікоў і пратэстантаў. Значная частка шляхты належала да каталіцкай царквы, некаторыя прымкнулі да пратэстанцкай веры. Прыхільнікі адзначаных накірункаў хрысціянскай веры насілі рымска-каталіцкія імёны: *Амброжый Казімір* Касцюшка, *Барбара* Касцюшка, *Ян* Касцюшка-Сяхновіцкі, *Тэклія* Ратомская. Многія каталікі мелі два імені, напрыклад, *Тадэвуш Сільвестр* Корзан. Арганізатар і натхняльнік Брэсцкай уніі *Інацій Пацей*, імператрыца *Кацярына* носяць візантыйска-праваслаўныя імёны.

На старонках кнігі (у вытрымках са старажытных дакументаў) ужыты і *язычніцкія імёны*, якія доўгі час захоўваліся ў славянскім іменаслове: “*Што в том сельцу сдавна было тры чловеки на имя Кисель*” [1, с. 17].

У часы Касцюшкі як у Рэчы Паспалітай, так і ў Расійскай імперыі выкарыстоўваліся *імёны па бацьку*, або *патронімы*, што ўжываліся ў вышэйшых сляях грамадства і не толькі ідэнтыфікавалі асобу, але і сцвярджалі яе статус як спадчынніка валадарных асоб: “*Лёгка заўважыць, што дакумент з’явіўся ў адказ на скаргу князёў Канстанціна Іванавіча Астрожскага і Юрыя Іванавіча Дубровіцкага-Гальшанскага на «баяр звычайных» Касцюшку Фёдаравіча і ягоных братоў*” [1, с. 7]; “*Насуперак аўтарытэтным сведчанням, браты Фёдаравічы лічылі сябе валынскімі баярамі і таму не прызнавалі ніякіх абавязкаў перад новымі ўладарамі*” [1, с. 13].

У XVIII–XIX стагоддзях знатныя роды ў Рэчы Паспалітай і Расійская імперыя знатныя роды ўжо мелі *прозвішчы* – афіцыйныя іменаванні, што перадаюцца ў спадчыну і ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям’і. Пісьменнік-кразнаўца расказвае пра паходжанне прозвішча сям’і *Касцюшкі*. У раздзеле “Імя становіцца прозвішчам” аўтар адзначае, што ўсе дакументы, складзеныя пры жыцці першага ўладара маёнтка Сяхновічы, пісара вялікага князя Літоўскага, называюць яго “*Костюшко*”. Гэта памяншальная форма хрысціянскага імені *Канстанцін*. Прадстаўнікі сярэдняга і дробнага баярства ў старажытасці іменаваліся менавіта такімі памяншальнымі формамі: *Васко* (замест Васіль), *Гурко* (замест Рыгор). Гэтыя формы ў XV–XVI стагоддзях лічыліся нарматыўнымі, зацверджанымі ў шматлікіх справаводчых паперах: “*Імя Касцюшкі Фёдаравіча ператварылася ў сямейнае прозвішча, таму што з 15 студзеня 1515 года ён зрабіўся дваранінам гаспадарскім, выканаўцам даручэнняў вялікага князя. Да таго ж Касцюшка Фёдаравіч сумяшчаў пасады камянецкага суддзі і гараднічага. Апроч таго, у 1543 годзе ён быў вялікакняскім камісарам пры размеркаванні спрэчных земляў*” [1, с. 22]. У айчынную гісторыю

прадстаўнікі гэтага роду ўвайшлі пад прозвішчам *Касцюшкі-Сяхновіцкія*. Другая частка прозвішча – прыдомак *Сяхновіцкія* – паходзіла ад назвы спадчыннага маёнтка.

У ліку прозвішчаў герояў кнігі А. Бензерука можна выдзеліць *патранімічныя*, якія маюць значэнне “сын, нашчадак пэўнага бацькі”, імя бацькі адлюстравана ў каранёвай частцы прозвішча. Такія прозвішчы ўтвараюцца ад мірскіх і хрысціянскіх імёнаў продкаў пры дапамозе суфіксаў: -іч-, -ын-, -овіч-, -евіч-, -эвіч- і інш: *Булгарын, Ільніч, Неміровіч, Барташэвіч, Пуцяціч, Глебовіч*. Ужываліся на нашых землях у часы Касцюшкі і *непатранімічныя прозвішчы*, якія не з’яўляліся найменнямі па бацьку і характаравалі ў тых ці іншых адносінах самога родапачынальніка прозвішча: *Нарбут, Корзан, Пац, Пацей* і інш. У аснове прозвішчаў былі як хрысціянскія (*Касцевіч, Касцюшка, Барташэвіч, Пацей, Ільніч*), так і мірскія імёны (*Пузын*), а таксама тапонімы (*Здзітавецкі, Сяхновіцкі, Гальшанскі*).

Значнае месца ў анамастыконе навукова-папулярнай кнігі А. Бензерука займаюць так званыя “**фонавыя онімы**”. Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін з’яўляюцца *тапонімы*: шматлікія назвы краін (*Беларусь, Польшча, Злучаныя Штаты Амерыкі, Расія, Аўстрыя, Прусія, Украіна, Швейцарыя*), гарадоў і вёсак (*Кобрынскі Ключ, Грыцэвічы, Чарнаўчыцы, Непакойчыцы, Крупчыцы*, урочышча *Жалкоўшчына*, фальваркі *Сяхновічы, Сяхновічы-Давыдаўшчызна, Малыя Сяхновічы*), храмаў (*Непакойчыцкі евангелічны збор, кляштары кармелітаў у Алізаравым Стане і Крупчыцах*), з якімі звязаны лёс Тадэвуша Касцюшкі. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць таксама *ўстарэлыя тапонімы*, якія былі раскласіфікаваны паводле іх суадносінаў з сучаснымі назвамі. Семантычным археонімам з’яўляецца тапонім *Літва*, які ў кнізе

А. Бензерука ўжываецца ў значэнні *‘старажытная дзяржава, што займала землі паміж сённяшнімі Навагрудкам, Маладзечнам, Мінскам, Слонімам’*. **Гістарыёнімы** – найменні аб’ектаў, якія зніклі з палітычнай і геаграфічнай карты, напр.: *Кобрынскі і Брэст-Літоўскі паветы Гродзенскай губерні, Рэч Паспалітая ‘аб’яднаная польска-літоўская дзяржава з часу Люблінскай уніі’, Расійская імперыя ‘дзяржава, якая існавала ў перыяд з 22 кастрычніка 1721 года да Лютаўскай рэвалюцыі і абвяшчэння рэспублікі ў 1917 годзе Часовым урадам’*. У аповедзе пра род Касцюшкаў-Сяхновіцкіх ужыты таксама эргонімы (*расійскі Сенат, Народны музей у Раперсвілі, Ягелонскі ўніверсітэт*), бібліёнімы (*“Арбіта Польшчы” Ш. Акольскага, “Гербоўнік” К. Нясецкага, “Касцюшка. Біяграфія, складзеная па дакументах”, “Кім і чым быў Касцюшка” Т. Корзана*), дакументонімы (*Літоўская Метрыка, “Спіс навакольнай шляхты, што пражывае ў Кобрынскім павеце Гродзенскай губерні”*), палітонім – найменне герба роду Касцюшкаў *Рох-III*.

Іменаслоў навукова-папулярнага зборніка А. Бензерука заснаваны на рэальным іменніку XVIII стагоддзя. “Фонавыя” онімы адыгрываюць важную ролю ў фарміраванні хранатопных межаў твора, вызначаючы месца дзеяння, паказваючы на час разгортвання падзей.

ЛІТАРАТУРА

1. Бензярук, А. Касцюшкі-Сяхновіцкія : гісторыя старадаўняга роду / А. Бензярук. – Брэст : Академия, 2006. – 130 с.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Леутко М.А., Назар Р.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых и композиционных особенностей рекламных текстов. Реклама является важнейшим элементом неценовой конкуренции. В работе рассматриваются, где и когда появилась первая реклама, основные цели рекламы, лингвистические особенности рекламного текста, а также какие особенности нужно учитывать при создании рекламного текста и его специфика на разных уровнях языка: лексико-семантическом, фразеологическом и синтаксическом. Анализируется лингвистический статус рекламного текста, как коммерческого, так и журналистского, и его роль в сфере общения.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, языковые особенности, рекламная индустрия, функции рекламы, телевизионная реклама, потребитель.

Реклама – это информация о товарах, различных видах услуг с целью оповещения потребителей и создания спроса на товары и услуги. Сам термин «реклама» происходит от латинского слова «*reklamare*» – «громко кричать» или «извещать». Первая реклама в России появилась в Средние века, чтобы привлечь покупателей, торговцы устраивали театральные представления со стихами и музыкой. Купцы начали нанимать коробейников и зазывал, которые придумывали небольшие стихи о товарах. В то же время на ярмарке были распространены выкрики и прибаутки. Первые печатные рекламы появились в XVII веке при Петре I. Однако в массы данная форма распространения рекламы вышла только в XVIII веке.

Существует несколько различных классификаций рекламных текстов. Рекламу можно разделить на: престижную, напоминающую, информативную и разъяснительную.

Престижная реклама. Обычно этот вид рекламы представлен небольшими текстами, так как привлекает внимание с помощью изображений. Особенно им пользуются автопроизводители, создатели дорогой одежды и модных аксессуаров.

Информативная реклама. По сути, этот тип рекламы создает первоначальный спрос, позволяет потребителям запоминать бренд, а также указывает на преимущества конкретного продукта.

Напоминающая реклама. Её главная задача не в том, чтобы немедленно продать продукт, а в том, чтобы убедить потребителя, что он не ошибся в покупке. В этом случае покупатель будет продолжать использовать рекламируемые товары.

Разъяснительная реклама. Этот тип предназначен для подробного рассказа о преимуществах конкретного продукта. Для этого часто используются мнения экспертов.

Сегодняшняя реклама является одним из самых широких направлений массовой культуры, так как сильно воздействует на аудиторию. Для реализации основных функций рекламы – притока к целевой аудитории и формирования спроса на рекламируемый товар, она должна быть достаточно информативной, простой и яркой. Именно по этой причине рекламный текст может иметь свою специфику, что обеспечивает его эффективность.

Рекламный текст создается из большого разнообразия средств речевого воздействия, где создатель рекламы умело играет со словом, чтобы точно увидеть те эмоции и те реакции, которые он и ожидает от своей аудитории. У получателей сообщения возникает конкретный посыл к какому-то действию: желание купить товар, воспользоваться услугой, посмотреть видео или проголосовать за что-то и т.д. Слоган – это краткий текст, который несет в себе рекламную идею, говорит

что-то важное о предмете рекламы. Его функция заключается в привлечении внимания и поощрении к действию.

Композиция рекламного текста состоит из заголовка, основного содержания и слогана (рекламный слоган). *Заголовок объявления* – это «мост» между визуальным восприятием объявления и текстовым содержанием. Главная задача – заинтересовать покупателя, заставить его прочитать следующую часть текста. *Рекламный текст* – это основная информация о товаре, его качестве и преимуществах перед конкурентами, убедить покупателя в том, что ему необходимо приобрести именно этот товар. *Лозунг* (в переводе с галльского языка) означает «боевой клич». Слоган можно понимать как рекламный девиз, лозунг. Цель слогана в рекламном материале – привлечь внимание и побудить к действию. Свойствами слогана являются эмоциональная насыщенность, лаконичность, изложение сути рекламного предложения.

При создании рекламного текста необходимо учитывать особенности использования разных частей текста. Морфологические особенности языка рекламы вполне определены. Все, за исключением некоторых частей, имеют большую или меньшую частоту использования в рекламе.

Из всех частей речи в рекламных текстах чаще всего используется существительное, поскольку реклама требует названий многих предметов и явлений. Существительные выполняют важнейшую информационную функцию: они обозначают предметы, явления и процессы. Известно, что в словарях насчитывается 40% существительных. Все имена существительные делят на несколько лексико-грамматических разрядов: нарицательные, собственные, собирательные, конкретные, вещественные, отвлеченные, единичные.

С помощью существительных рекламодатель может формализовать рекламную информацию в виде точных визуальных, звуковых и сенсорных представлений или в виде рамок обобщенных значений, в которых потребитель передает свое значение. Конкретные, точные, чувственные и емкие слова, обозначающие предметы или реалии действительности, которые можно увидеть, потрогать и почувствовать, более эффективны в лозунге.

Также распространены в рекламе глаголы, они несут идею, на них лежит основная смысловая нагрузка, это объясняет тот факт, что в текстах рекламы глаголы и глагольные формы встречаются очень часто. В рекламном тексте чаще всего употребляются глаголы в форме изъявительного и повелительного наклонения настоящего времени. Основная роль императива в рекламном тексте заключается в создании полезных образов товара, используя различные призывы, и с их помощью убедить покупателя в покупке данного товара.

Прилагательные обозначают постоянный признак предметов. Семантически прилагательные различны, они обозначают принадлежность, качество и признак предмета. Чтобы придать языку рекламы выразительность, авторы обращаются к качественным прилагательным, так как от них образованы наречия.

В языке рекламы местоимения используются часто, это создает иллюзию сближения с клиентом – доверительных отношений семейного и дружеского общения.

Такие морфологические средства используются для выделения и усиления основной идеи рекламы, они играют важную роль в создании рекламного образа товара. Эти особые образные средства в рекламном обращении облегчают восприятие потребителем рекламного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горяинов В. В., Назар Р. Н. Языковые особенности рекламных текстов / В. В. Горяинов, Р. Н. Назар // Дискурс современного социально-гуманитарного знания и образования: материалы III Республиканской научно-практической конференции (г. Луганск, 19–20 апреля 2018 г.). – Луганск, 2018. – С. 119–125.
2. Мощева С. В. Языковые особенности современных масс-медиа (на материале русскоязычных рекламных текстов) / С. В. Мощева // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1(7). – С. 248-251.
3. Тулупов В. В. Теория и практика рекламы. Учебник / Под ред. Тулупова В. В. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 528 с.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Нишнева Д.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена особенностям использования приемов психологизма в художественном тексте. Возможности использования приемов психологизма рассматриваются на примере произведения Кэрролайн Куни «Лицо на пакете молока», лауреата премий Iowa Teen Award, Volunteer State Book Award, Colorado Blue Spruce Award в жанре Young Adults.

Ключевые слова: психологизм, диалектика души, приемы психологизма, Кэрролайн Куни.

Каждый человек вне зависимости от современной ему эпохи и национальности проходит тот жизненный этап, на котором его преследуют вопросы о том, как строить свою жизнь и кому доверять.

Вот и главная героиня книги Кэрролайн Куни «Лицо на пакете молока» Дженни Джонсон ищет себя, и беспокойство, которое она испытывает по поводу своего места в этом мире, заметно с первых страниц книги. Так, Дженни чувствует неудовлетворенность собственным именем, оно кажется ей слишком банальным и простым: *«В последнее время девушка постоянно меняла собственное имя – Джейн казалось ей слишком скучным. В прошлом году она была Джен. Одна буква ничего особенного не меняла, но казалось, что при написании выглядело как-то взрослее, а также индивидуальнее и выразительнее. К фамилии Джонсон она добавила букву «т», так что получилось Джен Джонстон»*[2].

Однако вскоре Дженни действительно узнает, что она является не той, кем все это время считала саму себя: много лет назад она была похищена из биологической семьи, и люди, с которыми она выросла,

на самом деле не являются ее родителями. Узнав это, Дженни желает вернуть прежнюю стабильность и привычный уклад жизни, но сделать это уже нельзя: мир девушки рушится, близкие люди оказываются не теми, кем она их считала, и она должна решить, как ей жить дальше.

Тема поиска собственного «я», поднятая в произведении, является одной из самых близких молодому поколению, и должное ее раскрытие требует использования широкого арсенала приемов психологизма, что мастерски удается Кэролайн Куни.

Известный литературовед и культуролог Андрей Есин под психологизмом понимает всеобщее свойство искусства, заключающееся в воспроизведении человеческой жизни, в изображении человеческих характеров [1].

И в произведении «Лицо на пакете молока» мы видим использование различных приемов психологизма, описанных А.Б. Есиным:

К примеру, можно выделить косвенную форму психологизма, в которой содержится такой прием, как внешнее описание (указание автором на негативные изменения в самочувствии главной героини) и повествование от третьего лица. Однако также можно отметить прямую форму психологизма (непосредственное приведение автором мыслей главной героини). Очевиден внутренний конфликт: героиня отрицает увиденное и пытается отмахнуться от собственных мыслей о похищении, что, собственно, у нее не получается. Можно отметить, что мысли героини постоянно переключаются с темы похищения на физические ощущения, испытываемые в данный момент, а с них на размышления о собственном психологическом состоянии:

«Дженни поняла, что тело способно функционировать без ее участия. Она полностью ушла в свои мысли, рылась в собственной памяти, словно маленький ребенок, просматривающий энциклопедию в поисках нужного заголовка: «Джейн Элизабет Джонсон. Похищение». Тело, голос, даже улыбка – все работало, все было в порядке (на шестом уроке она умудрилась ответить на пару вопросов по биологии).

«Подумать только, – размышляла она. – Я совершенно не нужна собственному телу».

У нее было ощущение, что мозг полностью отключился, а тело функционировало само по себе. При этом голова гудела, словно в ней крутилась вертушка с разноцветными лопастями. Когда скорость уменьшалась, мысли становились отрывистыми, но более отчетливыми: «У меня есть мама и папа... Меня никто не похищал... Подобным могут заниматься только плохие люди... а я таких не знаю... мне это кажется, я все просто выдумываю».

Зато при увеличении скорости лопасти двигались так быстро, что цвета начинали ослеплять: «Нет, все-таки это моя фотография. Меня, Дженни Джонсон, похитили». Но это не могло быть правдой. Полная неразбериха. Она попыталась отмахнуться от мыслей и старалась осознать, где находится и что делает: сидела за партой и конспектировала.

Проблема в том, что от мыслей не удавалось избавиться. Сколько бы девушка ни говорила себе, что надо перестать об этом думать, все это – ерунда, они не поддавались. Казалось, ее засасывает в болото.

«Может, я действительно схожу с ума. Скорее всего, люди постепенно заметят мое состояние и отправят в дурдом».

Неожиданно она поняла, что уроки закончились.

Ее тело подошло к шкафу с вещами, выбрало нужные учебники, надело куртку, прихватило грязную физкультурную форму, чтобы постирать, и попрощалось с одноклассниками» [2].

Также в произведении Кэролайн Куни можно проследить диалектику души. Главная героиня повести Дженни Джонсон в начале повести предстает перед читателем самой обычной юной девушкой, у которой есть любящие родители, хорошие соседи и лучшие друзья. Однако, несмотря на все это, героиня считает, что ее жизнь слишком скучна и пресна и желает чего-то большего: *«У ее лучших подруг были оригинальные и сложнопроизносимые имена: Сара-Шарлотта Шервуд и Адаир О’Делл. Она поражалась, как ее родителей, у которых была такая распространенная и обыденная фамилия, как Джонсон, угораздило дать ей банальное имя. Почему нельзя было назвать ее Скарлетт, Аллегрой или хотя бы Роксаной?*

И вот сейчас ей снова захотелось новенького: пришлось добавить к «т» букву «у» в фамилии и вернуть «й» к имени. Получилось Джейн Джонстоун. Так, наверное, зовут девушек, которые работают дизайнерами ярких, усыпанных блестками платьев или красавиц, демонстрирующих призы в передачах-викторинах на ТВ» [2].

Однако вскоре Дженни узнает шокирующую правду о своем прошлом: похоже, что ее похитили из биологической семьи, а настоящие родители уже много лет пытаются найти ее, на этот раз, дав объявление о пропавшем ребенке, напечатанное на картонном пакете молока. По ходу книги читатель может проследить за психологическим состоянием Дженни, переходящей от шока к отрицанию, а затем к колебаниям между желанием узнать правду и

сохранить свою прежнюю жизнь и, наконец, к окончательному решению – выйти на контакт с биологической семьей:

«– Фотография девочки на картонке, – прошептала она абсолютно ровным бесчувственным голосом. – Это я.

Джейн вспомнила то платье... вспомнила, как жал узкий воротник... вспомнила, как болтались косички.

– Я понимаю, что тебя достала школа, – заявила Сара-Шарлотта. – Но утверждать, что тебя когда-то украли, – это уже слишком.

Пит расправил раздавленный пакет и начал всматриваться в сморщенную фотографию с текстом.

– Тебя украли больше десяти лет назад из торгового центра в Нью-Джерси, Дженни. Чего ты здесь делаешь?

– Именно. Почему не бежишь в полицию? – усмехнулась Адаир.

– Она просто не хочет читать вслух сочинение, вот и пытается найти отговорку, – предположил Джейсон.

– Да нет, просто хочет отвлечь нас от того факта, что мое молоко выпила, – заметила Сара-Шарлотта.

Прозвенел звонок, и сидящие вокруг начали бросать мусор в стоящий поблизости огромный мусорный контейнер с вставленным в него черным целлофановым пакетом, но большинство промахивалось. Убегая от работниц столовой, расставлявших свои пухлые руки, чтобы задержать ребят, все бросились в класс, так и не подняв мусор с пола.

Дженни держала в руке пустую упаковку из-под молока и смотрела на фотографию маленькой девочки.

«Меня украли», – пронеслось у нее в голове» [2].

Проникая в мысли и чувства Дженни, мы наблюдаем за тем, как из робкой девочки-подростка, желающей сбросить с себя ответственность, она превращается в способную принять важное решение девушку, становится мудрее, осознает, что ей одинаково дороги обе семьи и она хочет как безопасности и счастья своих приемных родителей, так и спокойствия своих биологических родителей, которые имеют право знать, что их дочь на самом деле в порядке:

«Но я же не Дженни, – прошептала девушка, подумав, что у нее раздвоение личности. «Я – два человека. И придется выбирать. Плохая дочь или хорошая? У меня две пары родителей. Как я могу быть одинаково хорошей для каждого из них?»

Тем временем мама набрала последние цифры. В наступившей тишине все присутствующие слушали гудки.

Интересно, этот звонок звенел в кухне, где раньше стояли высокие детские стулья, в которых сидели близнецы? Там, где смеявшийся отец читал придуманную им молитву? На кухне, где она маленькой девочкой однажды разлила молоко?

Второй гудок. Третий.

«Жить долго и счастливо, – думала Дженни. – Я хочу, чтобы вы оказались хорошими людьми».

Потерявшими чувствительность пальцами она взяла трубку из рук матери, подумав, что надо было все-таки сначала поест, чтобы не потерять сознание от истощения.

Еще гудок.

В Нью-Джерси кто-то снял трубку.

– Алло, – услышала она женский голос.

Девушка крепко схватилась за маму.

– *Здравствуйте. Это... ваша дочь. Дженни*» [2].

Кэролайн Куни изображает путь исканий и конечного внутреннего становления Дженни Джонсон с точностью, до мельчайших деталей, что дает основание заявлять о применении в этой повести диалектики души.

За захватывающими перипетиями жизни Дженни Джонсон с волнением наблюдали пятнадцать миллионов человек, именно таким тиражом была издана повесть «Лицо на пакете молока». Книга не только является лауреатом премий Iowa Teen Award, Volunteer State Book Award, Colorado Blue Spruce Award в жанре Young Adults, но и включена в школьную программу США.

Несомненно, одним из основополагающих факторов, обусловивших такой успех, является использование приемов психологизма, которыми в совершенстве владеет Кэролайн Куни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы : учебное пособие / А. Б. Есин. - 5-е изд., стер. - Москва : ФЛИНТА, 2022. - 176 с.
2. http://loveread.ec/read_book.php?id=97484&p=1

ЖАНРАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ ПАЭТОНИМАЎ У ДРАМАТУРГІІ ГЕОРГІЯ МАРЧУКА

Саўчук С.В.

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца асабовыя імёны, прозвішчы і мянушкі герояў меладрам Георгія Марчука “Усё будзе заўтра”, “Каханне маё нешчаслівае”, “Аднойчы на дачы”. Ахарактарызаваны вобразны змест “гаваркіх” антрапонімаў. Разгледжана нацыянальна-культурная спецыфіка “фонавых” онімаў – тапонімаў, эклезіёнімаў, бібліёнімаў і інш.

Ключавыя словы: паэтонім, антрапонім, прозвішча, мянушка, тапонім, прагматонім, эргонім.

Тэма кахання як галоўнага пачуцця, што з’яўляецца стрыжнем чалавечага існавання, вечная. Яна плённа распрацоўваецца сучасным драматургам Георгіем Марчуком. Героі меладрам “Усё будзе заўтра”, “Каханне маё нешчаслівае”, “Аднойчы на дачы” шукаюць каханне, змагаюцца за яго, дзякуючы каханню пазнаюць свет людскіх адносін, выяўляюць сябе – сваю сілу або слабасць, чысціню або прадажнасць. Стварыць цікавую гісторыю людскіх адносін дапамагае аўтару раскрыццё вобразна-выяўленчых уласцівасцей паэтонімаў. Мэтай прадстаўленай працы было выяўленне структурна-семантычных тыпаў уласных імён меладрам, вызначэнне іх функцыянальных асаблівасцей. Анамастыкон драматургіі Георгія Марчука, пакуль не быў аб’ектам лінгвапрагматычнага даследавання, чым тлумачыцца надзённасць працы.

Іменаслоў твораў Г. Марчука з’яўляецца адлюстраваннем беларускай лінгвакультуры XXI стагоддзя і яе складніка – беларускіх уласных імён як своеасаблівых пасведчанняў асобы, паказчыкаў сацыяльнага стутусу, узросту, нацыянальнасці носьбіта наймення. У драматургіі прадстаўлены

поўныя, гіпакарыстычныя, эмацыянальна-ацэначныя формы імені, якія перадаюць танальнасць міжасобасных адносінаў, аўтарскую ацэнку герояў, напр.: “Як можа не падабацца, вы жартуеце, **Руслан Леанідавіч**?!” [3, с. 83]; “Рэальна, **Барыс** тайна закаханы ў **Светку**” [3, с. 85]; “Я разумею, **Вольга**, што сітуацыя непрыгожая асабіста для цябе” [1, с. 66]; “Чула маё сэрца... У мяне ж геніяльная інтуіцыя. Ніякі гэта не **Джон**, а **Іван Казіміравіч Коржык**. Каханне майго юнацтва” [1, с. 78]; “Гэта я ў прысутнасці дзядзькі **Станіслаў Валяр’янавіч**, а так **Стас**” [1, с. 66]. Падобныя формы імёнаў – носьбіты канатацый сацыяльнасці, эмацыянальнасці, экспрэсіўнасці, ацэначнасці.

Паслядоўнае выкарыстанне ў творы розных варыянтаў імя героя выконвае функцыю перадачы дынамікі вобраза. Так, гледачы меладрамы “Каханне маё нешчаслівае” назіраюць за лёсам суролага шкіпера, па мянушцы Бомба. Жыццёвыя выпрабаванні – няшчаснае каханне, трагічныя падзеі – ператвараюць **Бомбу ў Пятра**, чалавека, які цэніць дружбу, спачуваючае бліжняму “*І не трэба гэта – Пётр Пятровіч. Я для вас друг Пётр. Цёзка*” [2, с. 144].

Новы этап у жыцці чалавека, змяненне яго светапогляду можа суправаджацца зменай імені. У меладраме “Аднойчы на дачы” прадстаўлены аповед пра лёс эмігранта Івана Кубышкіна, які на чужыне становіцца Джоанам Болтам, а потым вяртаецца на радзіму, расчараваўшыся ў жорсткім прагматычным свеце нажывы. Драматург акцэнтуюе ўвагу гледача на тым, што прыняцце новага імені **Мікалай** падчас хрышчэння ў беларускім храме азначала перастварэнне чалавека, які абуджаецца да пошукаў духоўных каштоўнасцей: “Зрабіўся вернікам у апошнія гады. Вось купіў ікону Святога Міколы. Зваць мяне **Іванам**, а па царкоўнаму ў хрышчэнні –

Мікалай. З часам расчараваўся ў людзях, краінах, палітыках... Бог не падманвае, з ім надзейна” [1, с. 73].

Ацэначна-характарыстычным сродкам у кантэксте меладрамы становяцца прозвішчы герояў. Так, сэнсавая нагрузка прозвішча героя меладрамы “Усё будзе заўтра” – уласніка ночнога клуба Руслана Леанідавіча *Валкаўца* суадносіцца з метафарычным значэннем слова *воўк*, якое характарызуе і ацэньвае чалавека жорсткага, агрэсіўнага. Менавіта такім з’яўляецца бізнесмен, у начных клубах якога працуюць старшакласніцы, які падманвае не толькі сваіх работнікаў, каханак, але і хлопца, апекуном якога з’яўляецца. Станоўчую ацэнку маці і дачцэ *Багадухавым* дае прозвішча, якое падкрэслівае ў гераінях іх веру ў Бога, што дапамагае людзям у часы цяжкіх выпрабаванняў, іх імкненне жыць па Божых законах. У ліку прозвішчаў гераеў п’есы “Аднойчы на дачы” вылучаюцца *гаваркія*. Прозвішча Віталіны *Кубышкінай* (параўн рус. *кубышка* – ‘скарбонка’, *класть в кубышку* – ‘накапліваць’) адпавядае характару бізнес-лэдзі – уладальніцы кафэ, рэстаранаў, нястомнай збіральніцы матэрыяльных даброт. Прозвішча *Коржыкаў* ускосна сведчыць аб родзе дзейнасці героя-кулінара.

Сродкам абмалёўкі персанажаў з’яўляюцца мянушкі. Так, Арцёма Валкаўца (героя меладрамы “Усё будзе заўтра”) характарызуе празванне *Шэры* (прыгадаем эпітэт ваўка ў фальклору – Шэры Воўк). *Шэры*, як і яго апякун, упэўнены, што ўсё ў жыцці можна купіць, нават каханне аднакласніцы Святланы. Арцём стварае невыносныя ўмовы жыцця дзяўчыне, каб прымусіць яе да ўзаемнасці. Светлым, чыстым чалавекам з’яўляецца Барыс, названы аднакласнікамі мянушкай *Белы*. Барыс, шчыра закаханы ў Святлану, робіць усё, каб выратаваць дзяўчыну. Менавіта *Белы* вяртае маральна зламанага Паэта да жыцця. Падлеткі – героі меладрамы “Каханне маё нешчаслівае” – ненавідзяць шкіпера

Пятра Пятровіча, па мянушцы **Бомба**, за тое, што ён не дазваляў ім лавіць рыбу з баржы, якую ахоўваў. Мянушка **Бомба**, прысвоеная гора-рыбакамі ворагу і крыўдзіцелю, падкрэслівае гнеў, агрэсію шкіпера. “*Мы з яго баржы рыбу лавілі. Не дазваляе. Злы, як галодны чорт. Ён уначы з ружжжом ходзіць*” [2, с. 141]. Любімы занятак падлетка Васіля перадае мянушка **Рыбак**. Неразлучных сяброў-старшакласнікаў характарызуе антрапонім **Салодкая парачка “Твікс”**.

Дух ХХІ стагоддзя перадаюць выкарыстання на старонках твора эргонім (клуб «*Non Stop*»), прагматонімы (аўтамабілі “*Лексус*”, “*Мерсэдэс*”). Этапы жыццёвага шляху і свет зацікаўленняў галоўных герояў п’есы – бізнесоўцаў, інтэлігентаў, творчых асоб – перадаюць тапонімы (*Амерыка, Ізраіль, Кіпр, Сэйшэлы, Хабараўск*), бібліённымы (*Евангелле, “Браты Карамазавы” Ф. Дастаеўскага, “Вайна і мір” Л. Талстога, “Гора ад розуму” А. Грыбаедава*), ідэонімы – назвы песень “*Сиреневый туман*”, “*Эти глаза напротив*”, “*Роза в снегу*”, онімы-сучаснікі – імёны папулярных спевакоў і медыйных асоб (*Перыс Хілтан, Кіркораў, Баскаў*). Вера займае важнае месца ў жыцці людзей, таму ў маўленні герояў п’есы ўжыты эклезіённы **Шамардзінскі манастыр**, тэонімы, агіённымы: “*Божя праведны, уратуй і дапамажы. Няма апоры, няма*” [3, с. 85]; “*Значыць, яшчэ рана. Бог не адкрывае тваё сэрца для кахання*” [3, с. 85]; “*Рэцэпт складзены Серафімай з Шамардзінскага манастыра: «Нарой корней прощения, собери цветов душевной щедрости, нарви лепестков терпения...»*” [3, с. 85]; “*Сапраўды, як не прыслухацца да слоў апостала Паўла: «Адно аднаго цяжар панясіце». Добры ў нас народ, спагадлівы*” [1, с. 83]. Асэнсоўваючы падзеі свайго жыцця, героі меладрам згадваюць імёны персанажаў сусветнай класікі: “*Я не прымаю філасофію Чацкага: «Вон*

*из Москвы. Сюда я больше не хожу». Ад чаго бегчы? Ад раскошы. Людзі разбагацелі, памножылі свой капітал, прыстойна жывуць: а ён кліча ўсіх у жабрацтва, галечу» [3, с. 98]; “**Макіявелі** пачытай. Відушчы італьянец. Ён пісаў: «Преуспевае в жызни тот человек, чей образ жызни соотвествует нравам времени» [2, с. 151].*

Паэтонімы – неад’емная частка вобразнага ладу меладрам Г. Марчука. Імёны, прозвішчы, мянушкі дазваляюць намаляваць запамінальныя вобразы персанажаў. Культурна-гістарычную функцыю выконваюць у творы “**фонавыя**” **онімы**, якія з’яўляюцца сродкам выражэння прасторава-часавых адносінаў, а таксама адлюстравання светапогляду сучасных беларусаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Марчук, Г. Аднойчы на дачы : меладрама / Г. Марчук // Польша. – 2015. – № 12. – С. 57–85.
2. Марчук, Г. Каханне маё нешчаслівае : меладрама / Г. Марчук // Беларуская драматургія. – Мінск : Бел. навука, 1994. – Вып.5. – С. 131–170.
3. Марчук, Г. Усё будзе заўтра : меладрама / Г. Марчук // Маладосць. – 2013. – № 12. – С. 81–105.

АНГЛИЦИЗМЫ И АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ставринува Н.К., Назар Р.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Аннотация. Статья посвящена использованию англоязычных заимствований в русском языке. В последнее время иностранные заимствования сильно проникли в русский язык. Появилось большое количество новых понятий и терминов, особенно в экономической, политической и технологической областях. В работе рассмотрено появление английской лексики, заимствований из английского языка и их быстрое закрепление в русском языке.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, англицизмы, англоязычная лексика, русский язык, словарный состав языка, транскрипция, неологизмы.

Как известно, для нормального развития любой страны необходим культурный обмен с соседними странами. Взаимное обогащение словарного запаса неизбежно. Английский – один из самых распространенных языков в мире. Он используется в Великобритании, США, Новой Зеландии, Австралии и некоторых частях Канады, а также изучался во многих других странах.

Лексическое влияние английского языка на русский язык началось в XVI–XVII веках. Он стал более активным в XVIII веке в Петровскую эпоху. При Петре I были преобразованы все стороны жизни России, административная и военная реформы, успехи образования, научные разработки – все это способствовало обогащению, как русской лексики, так и английских слов. Это было множество названий новых предметов быта, военных и военноморских терминов, слов из областей науки и искусства того времени. Влияние английского языка оказалось относительно устойчивым: его письменность проникала в русский язык на протяжении всего XIX века, например, лексика из области общественных отношений,

технические и спортивные термины, названия предметов быта: *командиры, отделы, районы, советы, станции, элеваторы, тротуары, бюджеты, площади, троллейбусы, железные дороги, мак, стейк, пудинг, ром, виски, грог, торт, плед, свитер, куртка, куртка, отделка, спорт, спортсмен, футбол, баскетбол, волейбол, бокс, крокет, покер, хоккей, жокей, бридж, спиннинг* и т.п.

Время от времени предпринимаются попытки «очистить» русский язык от неславянского влияния. Однако эти попытки не дали значительных результатов. Поэтому русский язык является одним из языков, в которых заимствования встречаются в большом количестве.

Усиление потока информации, появление глобальной компьютерной системы Интернет, расширение межгосударственных и международных связей, развитие мировых рынков, экономики, информационных технологий, участие в Олимпийских играх, международных фестивалях, показах мод: все это не могло не привести к вхождению в русский язык новых слов.

В современном русском языке американские заимствования чаще появляются из социальных сетей и употребляют их в своей речи подростки. А используют их чаще из-за моды на иностранные слова, лени полноценно выговаривать предложения и возможности пользоваться ими в других странах.

Заимствование слов характерно для развития любого языка. Перенимая слова, язык становится богаче, получает импульс для новых возможностей.

Некоторые слова были «взяты» в речь так давно, что говорящие не ощущают их «чужести», например, слово *хлеб* пришло к нам из древнегерманского, да и практически все слова, начинающиеся с буквы *а*. Еще один признак заимствования – несклоняемость слова:

кино, такси, сальто, жалюзи. Такие широко распространенные и употребляемые слова, как *граждане, милосердие* или *добродетель* исторически мы не должны считать исконно русскими, так как родным для них языком считается старославянский. Огромный лексический пласт общеупотребительных слов составляют слова из английского *яхта, тоннель, троллейбус.* Эти слова не просто вошли в наш язык, а прочно закрепились в языковой системе, стали развиваться и употребляться в соответствии с законами русского языка. На их основе появилось огромное количество новых, уже русских слов.

Ученые считают, что процент заимствованных слов в настоящее время не более 10–15%. , т. е. примерно десять тысяч слов.

В научной литературе термин «англицизм» понимается двояко: в широком и узком смысле. В широком смысле, по мнению В. М. Аристовой, «англицизм» является лингвистическим понятием, поэтому оно считается исходным языком, а не национально-этническими особенностями других языковых ареалов. Кроме того, английская группа также включает американский, австралийский, хинди и другие варианты английского языка. Строго говоря, слово «англицизм» является «единственным оригинальным словом английского словаря». Первоначально слова, появившиеся в языке, использовались редко и использовались очень немногими людьми. Но затем это слово получило широкое распространение и стало привычным и сложным.

Большая часть заимствований относится к хозяйственно-коммерческому сектору (*прайс-листы, холдинги, дистрибьюторы, дилеры, брокеры, бартер, чартерные рейсы*). Значительный набор заимствований включает социально-политическую лексику,

международные юридические названия (*парламент, саммит, консенсус, стикер*) и названия органов государственного управления (*импичмент, стикер, инаугурация, графство, избиратель, создатель имиджа*). Иностранные заимствования вошли в сферу культуры (*монтаж, монтаж, ток-шоу, диск-жокеи, дубляж, кастинг*); спорта (*допинг, тренировки, борьба*) и повседневной жизни (*походы, танцы, шопинг*). Увеличение числа пользователей Интернета привело к распространению компьютерной лексики (*электронная почта, спам, блог, чат, курсор, флешка*).

Многих людей, особенно пожилых, беспокоит использование английских слов, которые имеют вполне подходящие синонимы в русском языке, использование английских слов в заголовках и газетных заголовках для привлечения внимания и создания рекламы. Из-за стереотипов и идеалов молодежного общества увлечение английским языком стало модным среди подрастающего поколения.

Существуют также социальные различия в отношении к английской терминологии, особенно к новым терминам. В среднем пожилые люди менее терпимы к иностранным словам, чем молодые.

Поэтому, с одной стороны, флективные изменения, в большом количестве проникшие в русский язык, являются закономерным явлением, отражающим экономические, политические, культурные и социальные связи и отношения России с другими странами. С другой стороны, мы должны с грустью констатировать, что в поисках всего странного, в попытках тиражирования западной парадигмы мы все больше теряем свою самобытность, в том числе и язык, отражающий образ жизни и образ мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозиева М. Р. Англо-американизмы в современном русском языке / М. Р. Бозиева [Электронный ресурс]. – URL: <https://multiurok.ru/blog/nauchno-issledovatel-skaia-rabota-po-tiemie-anghlo-amierikanizmy-v-sovriemiennom-russkom-iazykie.html>.

2. Карпенко М. Ю., Назар Р. Н. Принципы употребления англоязычной лексики в социальной сети TikTok: словообразовательный компонент / М. Ю. Карпенко, Р. Н. Назар // Язык и культура: сб. науч. трудов VII Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием) (17 ноября 2021 г.). – Макеевка, 2021. – С. 212–215. : [Электронный ресурс]. – URL : <http://donnasa.org>.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА КОМИКСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ткачев Г.О.

МГУ имени А. А. Кулешова

Аннотация. В статье рассматриваются языковые характеристики жанра комикса на примере комикса Гарта Энниса «Preacher», издаваемого в 1994–2000 гг.

Ключевые слова: комикс, креолизованный текст, язык комиксов.

Комикс в том или ином виде существовал почти всю историю человечества. Изначально комикс представлял из себя логичную последовательность картинок, передавая информацию в первую очередь через невербальные средства, а именно через рисунок. Широкое использование текста, а вместе с этим усложнение повествовательной структуры, стало характерно для комикса лишь с начала предыдущего столетия, когда в США большой успех возымели истории про супергероев [6, p. 9].

С того времени индустрия только росла, плотно закрепившись в американской культуре. Большую популярность комиксы получили и в азиатских странах, в особенности в Японии [2, с. 180]. В русскоязычной среде комиксы появились относительно недавно, но и здесь они постепенно находят свою аудиторию. Производятся не только переводы зарубежных, но и издания комиксов, которые изначально создаются на русском языке. Соответственно возникает дискурс о языковой специфике комиксов на разных языках и их отличии (см. [4]).

Значение комикса в современной культуре не стоит недооценивать: благодаря синтезу вербальных и невербальных

средств комикс можно считать уникальным видом искусства, который уже давно вышел за рамки чисто художественного явления и массово используется в разных сферах жизни от образования до маркетинга.

В лингвистике под комиксом принято понимать комикс представляет собой креолизованный текст, т. е. текст, состоящий из двух негомогенных, гетерогенных частей: вербальной (иконической) и невербальной (графической), представляющих собой единое целое [1, с. 109].

Комикс как жанр обладает набором уникальных лингвостилистических характеристик (см. [3]). Рассмотрим некоторые из них на материале комикса «Preacher» Гарта Энниса, издаваемого в 1994–2000 гг.

В отличие от обычной художественной литературы, в комиксе не возникает необходимости в словесном описании антуража и внешности персонажей, поэтому чаще всего текст используется только для передачи устной или внутренней речи персонажей. В связи с этим реплики часто являются неполными и сопровождаются рисунком [3, с. 54], например, см. рис. 1.

Рис. 1

В данном примере персонаж говорит, что чувствует приближение полиции, после чего сразу появляется вертолет с прожектором. Основная динамика действий передается через невербальные средства.

В комиксах наблюдается повышенное использование восклицательных и вопросительных предложений, так как персонажи часто выражают свою реакцию на происходящее вокруг или на фразы других персонажей [3, с. 54]: *His head's cut!; What d'you mean?*

В комиксах крайне часто используется фатическая речь, которая в комиксах может выполнять следующие контактоустанавливающие функции [3, с. 55]:

- а) узнать о местонахождении: *What's taking you so long?;*
- б) узнать о самочувствии или настроении: *You're scared?;*
- в) сообщить о своих планах: *I'm gonna beat you silly!!!;*
- г) сообщить о своем самочувствии и настроении: *It makes me puke.*

Чтобы разнообразить речь персонажей, используется большое количество стилистически-окрашенной лексики [3, с. 55], например:

- а) просторечия: *Yep; Gimme that gun;*
- б) жаргонизмы: *She's blatantly very annoyed; That's wicked!;*
- в) грубые выражения: *Now you better just watch your mouth, Custer...; Now, you wimpering little smear of slime...*
- г) фразеологизмы: *Well, you were the one wanted to get it all straight in our heads...; Dear God. He's gone berserk. Open that door, man!*

Обязательным атрибутом любого комикса являются междометия. Они помогают донести до читателя звуковые элементы через статичные текст и изображения [3, с. 55–56]. В проанализированном материале встретились следующие типы междометий:

- а) эмоциональные: *WHUHH!!; Mmf; HHHH;*
- б) звукоподражательные: *BOOM!; SQUISH; SHHHH;*
- в) глагольные: *CLICK; SNIFF; GRAB;*
- г) когнитивные: *Hmm;*
- д) этикетные: *Hey!; Thx.*

Таким образом, к специфическим чертам языка комиксов можно отнести использование разговорного стиля речи, частое использование междометий (эмоциональные, звукоподражательные, глагольные, когнитивные, этикетные), стилистически-окрашенной лексики (просторечия, жаргонизмы, грубые выражения, фразеологизмы). В области синтаксиса к особенностям комиксов можно отнести использование неполных реплик, восклицательных и вопросительных предложений, фатической речи, выполняющей ряд контактоустанавливающих функций (узнать о местонахождении, узнать о самочувствии или настроении, сообщить о своих планах, сообщить о своем самочувствии и настроении).

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева, Н. Ю. Комикс как креолизованный текст / Н. Ю. Григорьева // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 109–111.
2. Катасонова, Е. Л. Манга, или комикс по-японски / Е. Л. Катасонова // Вестник культурологии. – 2014. – № 2. – С. 175–181.
3. Матанцева, М. Б. Лингвостилистические особенности русского комикса / М. Б. Матанцева, А. И. Соколова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Язык. Литература. Культура. – 2018. – № 3. – С. 52–58.
4. Магера, Ю. А. История появления первых японских комиксов на русском языке / Ю. А. Магера // Японские исследования. – 2018. – № 4. – С. 6–23.
5. Ennis, G. Preacher [Electronic resource] / G. Ennis // Vertigo. – 1995–2000. – Mode of access: <https://readcomiconline.li/Comic/Preacher>. – Date of access: 26.10.2022.
6. McCloud, S. Understanding Comics. The Invisible Art / S. McCloud // Harper Perennial. – 1994. – № 1. – P. 2–24.

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Хуторская А.Ю., Назар Р.Н.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

Аннотация. В статье рассматривается проблема речевой культуры. Общение регулируется формулированием правил поведения для общающихся субъектов и описанием фактов и ситуаций. В работе проанализировано толкование культуры речи как обладание нормами литературного языка в его письменной и устной форме, при котором устанавливается выбор и структура языковых средств, способствующих в конкретной ситуации общения и при следовании этике общения предоставить существенный результат в приобретении установленных задач взаимодействия.

Ключевые слова: культура речи, описание, повествование, рассуждение, речевая ошибка, контаминация.

Человек не может существовать без общения, как без воздуха. Общение помогает человеку раскрыться, обнажить свои эмоции, чувства, волнения, рассказать о печалях и радостях, о взлетах и падениях. Общение для человека является его средой обитания. Без общения не может быть и речи о формировании личности человека, его воспитании, развитии интеллекта. Общение благоприятствует организации совместной работы, помогает определить и проанализировать планы, осуществить их.

Проблемами общения занимаются представители разных наук – лингвисты, социологи, философы, культурологи, психологи и др.

Вместе с термином *общение* большую популяризацию получило слово *коммуникация*. *Коммуникация* – общение, обмен мнениями, сведениями и т. д. – своеобразная форма коммуникации людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности.

Человеческое общение, по сведениям учёных, на две трети состоит из речевого. *Речь* – выражение языковых знаков в их организованности; она точна, реальна и преимущественно субъективна. Существует четыре типа речевой деятельности: говорение и написание, а также слушание и восприятие (чтение). Комплексность положений и функций общения составляет речевое поведение человека.

Культура речи – это, во-первых, атрибут речи, как письменной, так и устной; а, во-вторых, обладание нормативной базой языка и коммуникативными качествами, которые в общей сумме составляют речевое поведение профессионала. В полномочии культуры речи – виды норм языка по его уровням (лексика, морфология, акцентология, стилистика, фразеология, фонетика, синтаксис, словообразование) и такие качества речи, которые формируют её рентабельность. Связь нормативности и рентабельности в речи – характеристика её культуры. Культура речи включает в себя три составляющих элемента: нормативный, коммуникативный и этический. Культура речи предусматривает, в основном, правильность речи, т. е. следование правилам литературного языка, которые усваиваются его обладателями (говорящими и пишущими). *Языковая норма* – это главное представление речевой культуры, а нормативная концепция культуры речи является одной из важнейших.

Существует три функционально-смысловых типа речи: описание, повествование и рассуждение.

Описание – это тип речи, который описывает определенное явление действительности путем перечисления его устойчивых характеристик или одновременного существования и поведения (содержание любого описания может быть передано одной

картинкой). Чаще всего для описания используются существительные, прилагательные и наречия, которые описывают различные свойства, а также природу вещей. Глаголы обычно используются в прошедшем времени для описания несовершенного вида и в настоящем времени для особой наглядности. Часто используются синонимы, выраженные определением.

Повествование – это тип речи, в котором действия или события излагаются в последовательности. Предложения обычно связаны в цепочку от одного события к другому, от другого к третьему и так далее. Первое предложение характеризуется наличием темы, то есть, указывает на действующее лицо либо явление. Все они указывают на время и место события. Отдельные формы глагола несовершенного вида часто указывают на продолжение действия или некое повторение. Основная цель каждого автора в повествовании – сообщить об определенной последовательности действий или событий.

Рассуждение – это тип речи, в котором важно доказать или объяснить какую-то информацию, охарактеризовать какой-то предмет или явление и объяснить почему именно так, как считает автор. Вводные слова часто используются в рассуждении. Выделяют рассуждение-доказательство, где главными вопросами, приводимыми в тексте, являются: «Почему мы делаем это, а не то? Каковы последствия? Что из этого выйдет?» Рассуждение-размышление предоставляет ответы и мысли на жизненно важные вопросы: «Что мы должны делать? Как мы можем это сделать?» А рассуждение-объяснение дает интерпретацию: «Что это такое?» Рассуждение также характеризуется более личным мнением и взглядом на вещи и явления.

Границы между описанием, рассуждением и повествованием достаточно условны. Однако они не всегда четко сформулированы, поскольку в одном тексте могут одновременно присутствовать несколько типов речи. И это встречается особенно часто.

Норма – это социально одобряемое, кодифицированное в словаре правило устного употребления данной языковой единицы. Несоблюдение определенной нормы или деформация признанного употребления называется речевой ошибкой. Ошибки могут возникать на всех уровнях языка, нарушать любое качество речи и могут влиять или не влиять на семантику слова или фразы.

Речевые ошибки – это отклонения от норм и правил языковой культуры. К таким ошибкам относятся, что является логичным, *контаминация* – смешение звуков речи в языковых единицах, *тавтология* – чрезмерное употребление и повторение морфем и слов (тавтология может быть намеренной, допустимой или даже вынужденной), и самый частый речевой дефект (не всегда ошибка) – *двусмысленность*. Большинство ошибок связано с пересечением различных рядов языковых единиц, от звуков до слов во фразах, и это явление образует многоуровневую ошибку (контаминацию).

Речевая культура – это часть общей культуры человека. По тому, как человек говорит и пишет, можно судить о степени его духовного развития и внутренней культуры. Владение культурой речи является не только показателем высокого интеллектуального и духовного развития, но и своеобразным индикатором профессиональной пригодности людей различных профессий, таких как дипломаты, юристы, политики, преподаватели школ и вузов, работники радио и телевидения, журналисты, руководители. Речевая культура по роду своей деятельности важна для всех, кто общается с людьми,

организует и направляет свою работу, учит, воспитывает, проводит деловые встречи, оказывает различные услуги людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назар Р. Н. Средства массовой информации и языковая культура молодежи / Р. Н. Назар // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов VI Международной научной конференции (10 ноября 2020 г.). – Макеевка, 2020. – С. 233 – 237. : [Электронный ресурс]. – URL: <http://donnasa.org>.

2. Трошина Т. Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке / Т. Трошина [Электронный ресурс]. – URL: [http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_35#:~:text=Функционально-смысловые%20типы%20речи%20\(ФСТР,относятся%20описание%2C%20повествование%20и%20рассуждение](http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_35#:~:text=Функционально-смысловые%20типы%20речи%20(ФСТР,относятся%20описание%2C%20повествование%20и%20рассуждение).

3. Хрущ А. И., Назар Р. Н. Культура речи в СМИ как показатель общей культуры личности / А. И. Хрущ, Р. Н. Назар // Язык и культура : сб. науч. трудов VI Республиканской очно-заочной научной конференции (11 ноября 2020 г.). – Макеевка, 2020. – Макеевка, 2020. – С. 304–306 : [Электронный ресурс]. – URL: <http://donnasa.org>.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Шевченко Н.В.

Белорусский национальный технический университет

Аннотация. Данная статья анализирует сходства и отличия звукоподражаний в английском и русском языках, рассматривает стилистические особенности употребления ономастопов.

Ключевые слова: звукоподражания, ономастопы, образы, стилистические средства, сходства, отличия.

Изучение звукоподражаний в разных мировых языках мира имеет длинную историю, берет начало с незапамятных времен. Данным вопросом занимались как древние мыслители Платон и Аристотель, так и ученые-лингвисты XX века И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, С.В. Воронин и другие. Звукоподражания (ономастопы) являются важной особенностью любого языка, так как представляют собой основу для формирования новой лексики и делают его словарный запас богаче.

Цель нашего исследования заключается в выявлении сходства и отличий в формировании звукоподражательных слов и применении стилистических приемов звукового подражания в русском и английском языках.

И. В. Арнольд называет звукоподражанием «использование слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления – звуки природы, крики животных, движения, сопровождающиеся каким-нибудь шумом, речь и различные звуки, которыми люди выражают свое настроение, волю и другие чувства. Например, *bubble* (n) ‘журчание’, *splash* (n) ‘плеск’, *rustle* (n) ‘шорох’, *buzz* (v) ‘жужжать’» [1, с. 280]. К ономастопам относятся такие

слова, в которых звуки или комбинация звуков ассоциируется с тем, кто или что создает этот звук или может являться его источником. Например: *tick tock* (часы), *ding ding* (звон), *mew* (мяукать), *crash* (треск, грохот).

Звукоподражания помогают создавать следующие образы по типу ассоциирования: звуковые, слуховые, зрительные, гастрономические, тактильные и др. При представлении абстрактного понятия силой разума через конкретный объект, результатом становится словарный образ.

Образы зрительного характера обращаются к зрению, играют наибольшую роль в литературных произведениях. Зрительное изображение, хотя оно создается посредством слов, то есть через слова, оказывается самым точным. Например, в выделенном здесь образном сравнении и следующей за ним глагольной метафоре: “*The clouds were low and hairy like locks blown forward in the gleam of eyes. The iced branches shed “crystal shells”* [2].

Звуковые образы формируются с помощью различных звуков, например, *bang!* / *achoo!* / *cacaw!* / *buzz!*

Гастрономические образы относятся чувствам вкуса и вкусового восприятия, как в примере: “*Christina served the bland sea-prawns pasta with the sweet mariana sauce* ” [2].

Тактильные образы воспроизводятся при помощи различных инструментов и средств, которые влияют на чувственные восприятия. Они обращают внимание на прикосновения, текстуры или чувства прикосновений. Можно привести данный пример: “*The cold water touched his skin and he felt a shudder run down his spine*” [2].

Какую же стилистическую функцию выполняют звукоподражательные слова? Звукоподражания применяются в

качестве экспрессивного и стилистического средства, чтобы придать тексту эмоциональную окраску, живость, выразительность. В большинстве случаев звукоподражания встречается в текстах художественной литературы, где важнейшей частью выступает игра с ритмами и звуками. Имитация звуков, которые существуют в мире, дает возможность создать особую ритмическую и интонационную организацию текстов. Звуковая лексика является неотъемлемой частью литературных произведений. Благодаря вариативности семантического характера автор может передать особенные смысловые оттенки и детализировать образ.

Среди семантических сходств английских и русских звукоподражаний можно выделить следующие:

1. Английские и русские звукоподражания достаточно часто являются односложными, то есть, имеют однокомпонентную структуру. Например, *bump* 'бух', *crack* 'треск', *pop* 'хлоп', *hush* 'тссс', *mew* 'мяу'.

2. Звукоподражания в русском и английском языках образуют новые слова посредством семантико-синтаксического перевода или морфологическим способом, т. е. путем присоединения аффиксов к звукоподражательному слову либо его корневой основе. Например, *bump* – *bumping*, *to bump*; *buzz* – *buzzing*, *to buzz*; *screech* – *скрипеть*.

3. Несмотря на то, что русский язык – синтетический, английский – аналитический, в синтаксисе употребления звукоподражаний прослеживается сходства. Звуковые подражания английского и русского языков редко изолированы. Обычно они выполняют в предложении роль сказуемого. Например, “*Mr Wonka turned around and clicked his fingers sharply, click, click, click, three times*” [4]. «Эмо-

жжжжжжжж – неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может» [3].

4. Ономатопы английского и русского языков часто участвуют в образовании новых слов. Благодаря большому количеству суффиксов и префиксов, образуется множество новых однокоренных слов. Например, *squeek – squeaky, to squeak*.

5. Для звукоподражаний в английском и русском языках характерны повторения или удвоения слогов, гласных или согласных звуков, которые необходимы для того, чтобы получить эффект длительности, звуковой громкости. Например, *worraworraworra, whooree, тсссс, бабаааах*.

6. Также существует общая стилистическая функция звукоподражаний в обоих языках, т.е. передача образности звука и передача эмоционального окраски высказывания.

Какие же различия существуют в стилистическом употреблении звукоподражаний в русском и английском языке?

1. Ономатопы в английском языке легко и без труда переходят из одной части речи в другую. Данное явление можно объяснить их характерными словообразовательными функциями. Вышесказанное, однако, не относится к русскому языку. Например, *hiss* ‘шипение’, ‘шипеть’, *sizz* ‘шипеть’, ‘шипение’, *clank* ‘брякать’, ‘бряканье’.

2.. Большинство ономатопопов английского языка представляют слова, представленные одним корнем, что связано с отсутствием значительного количества аффиксных образований.: *bang* – ‘бам’; *knock* – ‘тук’, *pop* – ‘хлопок, лопаться’, *crunch* – ‘скрип, скрипеть’.

3. Звуковая изобразительность английского языка более заметна, чем русского. В русском языке чаще встречаются зрительные образы,

созданные при помощи ономаатопов. Например, *scrabble* ‘царапать, скрестить’, *whirr* ‘жужжать’, *bang* ‘ба-бах’, *click* ‘кликать, щелкать’.

4. Для звукоподражаний английского языка также характерно чередование или редупликация звуков (*razzle-dazzle* – ‘суматоха’, *snip-snap* – ‘щелканье’, *ding-dong* – ‘звонок’).

Таким образом, звукоподражания в английском и русском языке выполняют важные стилистические функции, передают звуковую образность и придают эмоциональную окраску высказыванию. Ономаатопы различных языков могут отличаться частично или в полной мере. Так для английского языка характерно употребление звукоизобразительных ономаатопов. Звукоподражания несомненно делают как русский, так и английский язык богаче, красочнее. Для литературных и поэтических текстов звукоподражания имеют особое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 384 с.
2. Ахметова, Н. Е. The concept of imagery in literature and cinematograph / Н. Е. Ахметова // Молодой ученый. – 2018. – № 22 (208). – С. 363–365.
3. Милн, А. А. Винни-Пух и все-все-все / А.А. Милн, Б.В. Заходер. – Феникс. Золотая цепь, 1999. – 352 с.
4. Dahl, R. Charlie and the Chocolate Factory / R. Dahl. – Puffin, 2013. – 192 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Метатекст-комментарий в поэме Д. Самойлова «Струфиан» <i>Балабанович И.С.</i>	3
Імя і вобраз у аўтарскай казцы (на матэрыяле твораў Георгія Марчука і Марыі Канапніцкай) <i>Балакірава М.М.</i>	9
Роль суб'ектыўнай модальнасці в текстах публіцыстычнага стыля <i>Здановіч А.Н.</i>	14
Сацыяльна-культурныя арыенціры беларускай паэзіі, вынесенай для вывучэння ў 9 класе устаноў агульнай сярэдняй адукацыі <i>Кавалюк А.С.</i>	20
Слова-паразіты в русском языке <i>Косолапова Е.И., Назар Р.Н.</i>	25
Паэтонімікон зборніка а. Бензерука “Касцюшкі-сяхновіцкія: гісторыя старадаўняга роду” <i>Лябедзіч Д. П.</i>	30
Композиционные и морфологические особенности рекламных текстов <i>Леутко М.А., Назар Р.Н.</i>	35
Особенности психологизма в художественном тексте <i>Нижнева Д.А.</i>	40
Жанраўтваральная роля паэтонімаў у драматургіі Георгія Марчука <i>Саўчук С.В.</i>	47
Англицизмы и американизмы в современном русском языке <i>Ставрунова Н.К., Назар Р.Н.</i>	52
Специфика языка комиксов (на материале английского языка) <i>Ткачев Г.О.</i>	57
Культура речи как критерий эффективной коммуникации <i>Хуторская А.Ю., Назар Р.Н.</i>	62
Звукоподражания в сопоставительном аспекте в английском и русском языках <i>Шевченко Н.В.</i>	67